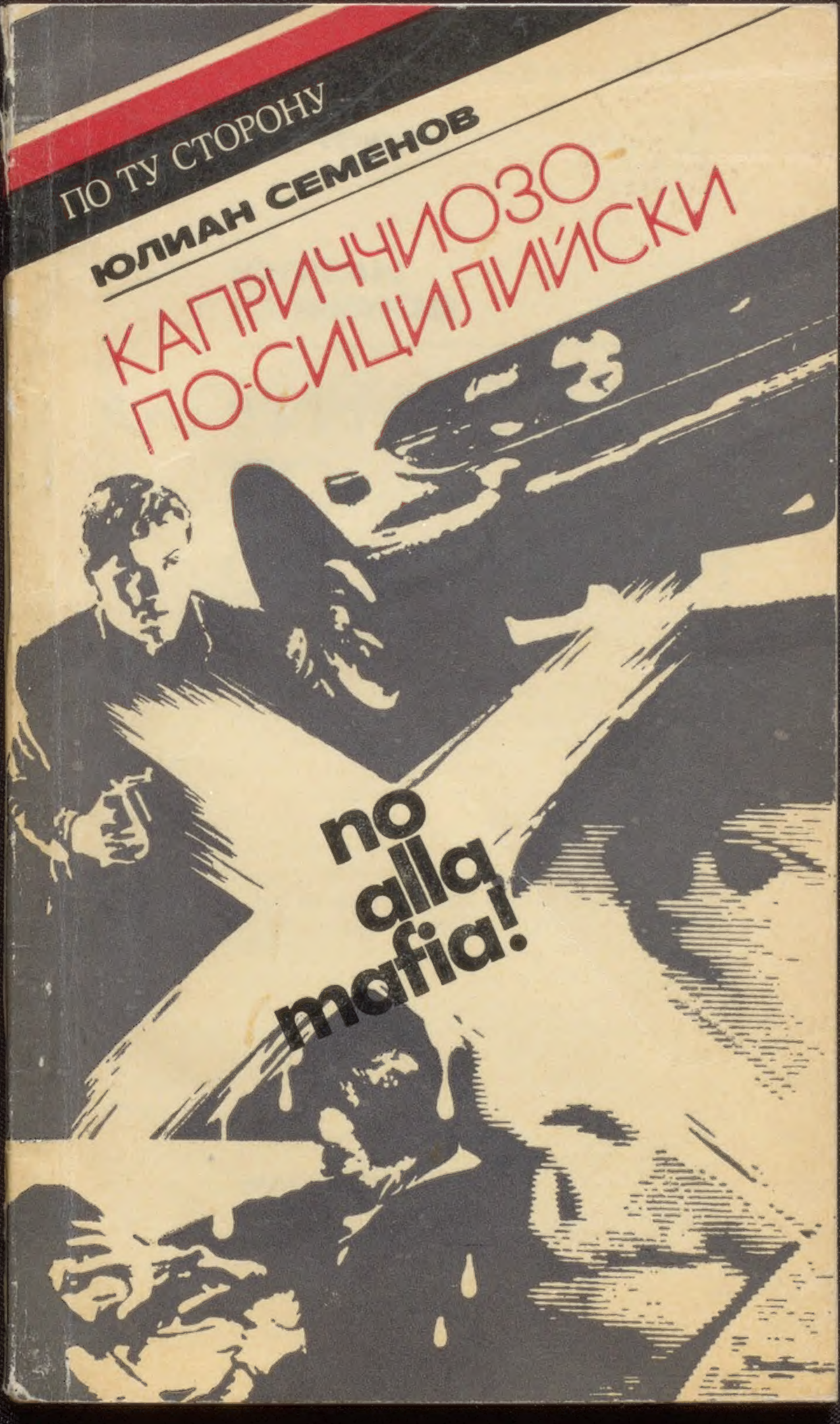
ПО ТУ СТОРОНУ

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

КАПРИЧЧИОЗО ПО-СИЦИЛИЙСКИ



Семенов

По ту сторону

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

КАПРИЧЧИОЗО ПО-СИЦИЛИЙСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА — 1978

Р2
С30

Читатели хорошо знают лауреата Государственной премии РСФСР Юлиана Семенова не только как автора романа «Горячие» — о Ф. Э. Дзержинском, политических хроник об Исаеве-Штирлице; на многие языки переведены книги его публицистики «Вьетнамский дневник», «Маршрут: СП — Борнео», «На «козле» за волком».

«Каприччиозо по-сицилийски» можно рассматривать как дальнейшее продолжение поиска новой формы политической прозы, основанной на документах и личных впечатлениях писателя.

Эта книга рассказывает о некоторых аспектах деятельности мафии, которая, родившись в Сицилии много лет назад, превратилась ныне в могущественную преступную организацию, действующую во многих странах. Юлиан Семенов, побывавший за последние годы в Италии, США, Латинской Америке и Сингапуре, исследует природу мафии. Он рассказывает об одной из сторон «лица» так называемого «свободного мира» — о политических убийствах, торговле наркотиками, шантаже и коррупции, которые определяют лицо современной мафии.

С $\frac{70302—123}{М—105(03)78}$ Б.З— 49—1978 № 17

©Издательство «Советская Россия», 1978 г.

1

— Нет, в Палермо ехать нет смысла, — сказал Педро.— Внешне это вполне благопристойный город, ты там ничего не поймешь. Не спорь, я предлагаю самый хороший маршрут: Мадрид — Рим; поезжай смотреть на своего Массимо Горки в Неаполь, потом поезд на Сиракузы, оттуда начинай поездку по острову, толкайся вглубь на западное побережье, там правит мафия; остановись на ночлег в Энне, ты ощутишь запах, понимаешь?

— Как добираться до Энна? Автобусом?

— Какие в Сицилии автобусы?! — Педро пожал плечами. — Найми машину. Бензин, правда, в Италии дороже, чем здесь, в Мадриде, — сорок долларов за сорок литров, — хотя если ты возьмешь во Франции туристскую льготу, то можешь сэкономить пять-шесть зелененьких.

— Сколько будет стоить крюк во Францию?

— Не менее тридцати пяти бумаг, — Педро усмехнулся. — Ты у нас выучишься считать деньги, а?! В России — я заметил — рубли не считают, словно там живут одни миллионеры...

«Миллионеры-то как раз считают копейки, — подумал я, вспомнив, как летел из Мексики в Атланту. — Еще как считают, потеют даже, бедолаги».

Рядом со мною тогда сидел седой джентльмен в стоптанных дорожных башмаках, потертых брюках и пропотевшей куртке. Летчик резко наклонил махину «Боинга»; усиленный динамиками, пророкотал его голос:

— Леди и джентльмены, слева — извержение вулкана, думаю, вам интересно поглядеть на это чудо, торопитесь сделать фото для семейных альбомов...

Он бросил самолет еще ниже, словно бы мы ухнули в воздушную яму; фарфоровозубые бабули защелкали камерами, наваливаясь друг на друга острыми веснушчатыми локотками, по которым

разве и можно было определить возраст туристок — за восемьдесят, никак не меньше. Штаты — страна путешественников, ушедших на пенсию, всю жизнь надо вкалывать в поте лица, иначе не обеспечишь старость.

Сосед камеру доставать не стал: составлял колонку цифр, длинную, словно китайская средневековая поэзия. Считал он медленно, тяжело, и постепенно восприятие человека, сидевшего рядом, претерпело цветовую метаморфозу: седины, белые брюки, белая куртка показались мне серо-коричневыми, какими и надлежит быть мельничным жерновам.

Он просчитал трижды — что-то у него не сходилось в центах, с долларами было все в порядке,— чертыхнулся, спросил:

— Простите, нет ли у вас карманного компьютера? Стыдно признаться, я разучился считать по-человечески: семнадцать центов повисли, черт их знает, откуда они выскочили...

— Ну и бог с ними,— сказал я,— велика ли сумма.

Сосед надел очки, внимательно оглядел меня:

— Вы не американец?

— Нет.

— Француз?

— Полагаете, что только француз может задать такой вопрос?

— Конечно! Они же все ловеласы!

— Помните рассказ Мопассана о двух братьях-рыбаках?

— Чей рассказ?

— Мопассана...

— Мопассана? Француз? «Сан» — я думаю, это ближе к Японии, они часто употребляют слово «сан»... Мопа сан, очень похоже на Японию. Нет, я не читал этого Мопассана, ай эм сорри... Сохнешь за цифрами, культурная жизнь проходит мимо, схватишься — а там инфаркт! Будь проклята собачья жизнь президента, являющегося президентом президента Соединенных Штатов! — Он рассмеялся. — Это я, плежар ту мит ю! Джеральд Форд — член наблюдательного совета компании,

где я — президент, неплохо, а? И — позор, не сходятся семнадцать центов, я себе места не нахожу.

Он действительно не находил себе места, попросил у кого-то из соседей карманный компьютер, просчитал цифры, нашел ошибку, исправил цифру «пять» на «два» и, успокоенный, уснул.

Американский прагматизм — штука занятная. Как их не переделаешь, так и нас вряд ли перекроишь, надобно, видимо, принимать друг друга такими, какие мы есть; впрочем, не худо бы временами прикладываться к Мопассану, да и нам не грех поучиться «не находить себе места» из-за копейки. (Но не за счет, конечно же, чтения, сиречь прилежности духовной).

...Я позвонил товарищам в Рим — спасибо посольским: где бы ни был ты за рубежом, как ни загружены дипломаты, коммерсанты, журналисты — срабатывает закон братства, тебя встречают в аэропорту, подсказывают, где лучше переночевать, ибо денег на гостиницы теперь и вовсе не хватает, цены невероятно взвинтились, однако наши умельцы находят какой-нибудь отелишко, не слишком заваляющий, задаривают хозяина водкой и пластинками, обеспечивают постоянную клиентуру, поэтому там не так дерут, можно худо-бедно уложиться в бюджет.

— Какие приметы, кроме бороды?— спросили «римляне».

— В руке — пишущая машинка,— ответил я и, посмотрев в окно (в июльском Мадриде было прохладно, шел дождь), добавил:— Черная кожанка, чего ж еще?

— Больше и не надо,— согласились в Риме,— счастливого полета, ждем.

В Риме было под сорок, небо — раскаленно-стальное, только утром и вечером в Италии небо бездонное, такое оно голубое, такое истинное. Только там, пожалуй, оно еще и осталось первозданным; в центре Европы небо опустилось к земле, сделалось задымленным, и лишь ночью, по звездам, примысливая рассвет, можно представить себе утреннюю голубень.

...Товарищ узнал меня сразу: среди пассажиров

лишь один был в кожанке, обливался потом и держал в правой руке пишущую машинку; остальные — туристы, все в белом, все, как один, с фотоаппаратами —будто тайный знак нового «ордена путешествующих».

(Я уж давно отказался от фотоаппарата в поездках, потому что камера понуждает к расслаблению: нащелкал себе двести кадров и думаешь — «потом все вспомню»; камера стала некоей «записной книжкой» эпохи НТР. А вернувшись домой и проявив пленки, начинаешь понимать, как много ты проглядел и пропустил. Глаз, не стиснутый рамками кадра, надежней, он корреспондирует с памятью напрямую, а инструмент памяти не разгадан еще; огромная сложность этой людской ЭВМ выборочна и целенаправленна, коли не мешать ей смотреть на мир вбирающе и жадно, не «шорить» себя изначальной заданностью и не распластываться перед туристскими справочниками, где обзор живописи Тинторетто умудряются вместить в семь строчек).

Я бросил чемодан у приятеля, положил в свой походный хурджин диктофон, блокнот, несессер, рубашку и сказал:

— Старина, позвони-ка на вокзал, узнай, когда идут поезда в Сицилию.

— Ты не имеешь права туда ехать.

— Отчего?

— Ты — красный, из Союза.

Я достал паспорт и показал визу.

— Никаких ограничений. Я спрашивал в итальянском консульстве.

Товарищ изумленно разглядывал пятидневную туристскую визу.

— Вот интересно-то, а?!

Он имел основания удивляться: западные демократии волынят с визами для советских куда как долго, тут государственный порядок, здесь ни при чем «права человека» и «свобода передвижения», здесь д е л о, а не пропагандистские утверждения, рассчитанные на широкую публику.

Как-то я улетал из Мадрида в Западный Берлин через Франкфурт-на-Майне — так рекомендовала авиакомпания «Иберия». Я прилетел во Франкфурт

и пошел по длиннющему коридору на пересадку: в Западный Берлин летают в основном компании союзников. Я подошел к окошечку пограничников — от этого окошечка до зала ожидания американского самолета метров сорок — и протянул свой паспорт с билетом.

Пограничник ФРГ повертел красную книжечку:

— А где виза бундесрепублик?

— Я лечу в Западный Берлин, а не в бундесрепублик.

— Для меня,— пограничник поднял глаза от паспорта,— Западный Берлин является частью бундесрепублик, майн герр.

— А для меня — нет,— ответил я.

— Но ведь у вас нет визы для въезда на территорию бундесрепублик,— и он кивнул на сорокаметровый коридорчик, отделявший его кабинку от зала ожидания: на табло начали зажигаться зеленькие точечки, предупреждающие о начале посадки на американский самолет.

— Авиакомпания «Иберия» заверила меня, что я не нуждаюсь в визе...

— Представителя «Иберии» вызовут для объяснений,— ответил пограничник, и рядом со мною появился пожилой полицейский; очень галантно откозыряв, он жестом пригласил меня следовать за ним.

— Может быть,— не сдавался я, обращаясь к пограничнику,— полиция сопроводит меня эти сорок метров и посадит в американский самолет?

— Простите, я не могу решить этот вопрос, майн герр,— ответил пограничник и снял трубку телефона, показывая этим, что разговор наш окончен.

В комнате полиции сидело два турка, эмигрант хорват и человек весьма сложной национальности, говоривший на всех языках мира, но так, что понять его было совершенно невозможно.

Я показал полицейским билет на уходящий американский самолет и сказал, что обращусь в суд в случае, если мне не будет разрешено занять мое место в «Боинге»: меня мало интересует, кто станет возмещать нанесенный мне материальный ущерб, но то, что его возместят,— не сомневаюсь.

(Век живи, век учись, дураком помрешь. Пословица хороша, но все же нуждается в коррективах: восемь лет назад министр заморских территорий Австралии мистер Барнс отказал мне в праве посетить Папуа и Новую Гвинею — тогда эти страны были в колониальной зависимости от Канберры. Скандал, который начался в парламенте, принес свои плоды: вся Австралия выступила против Барнса, но мне от этого легче не было — в Папуа я не попал. Уже на аэродроме журналисты, провожавшие меня, увидели авиабилет: маршрут Сидней — Папуа — Дарвин оказался неиспользованным.

— Джулиан, отчего же вы не показали нам этот билет раньше?!— удивились коллеги.— На основании этого билета вы могли обратиться в суд и потребовать с министра Барнса деньги: с паршивой овцы хоть шерсти клок! Или — пусть разрешает полет! Эти министры страсть как боятся, если от них по суду требуют «возмещения материального ущерба»!).

Представителем «Иберии» оказался славный молодой парень.

— Бюрократия, кругом бюрократия и амбиции!— вздохнул он.— Я забронировал вам билет на рейс в Вену, там нет визитных сложностей, оттуда полетите в Берлин.

— Гарантии? В Мадриде меня заверили, что никаких визитных трудностей во Франкфурте не будет, девушка из «Иберии» звонила в консульство ФРГ.

— Как зовут девушку, не помните?

— Мари Кармен. Очень красивая.

Парень усмехнулся:

— В «Иберии» все Мари Кармен, и все очень красивы.

— Черноглазая, тоненькая...

— Все испанки черноглазы и стройны,— ответил парень и пошел к полицейскому, который сидел около телефона.

— Скажите ему, что я — писáтель,— подсказал я испанцу.— Ведь на Западе так печалятся о судьбе советских писателей, которым не дают возможности путешествовать свободно.

Не знаю, какой довод оказал решающее влияние, но мне дали визу на право прохода сорокаметрового коридорчика (то есть визу ФРГ), взяли за это пятнадцать марок, и я вбежал в самолет, который опоздал из-за этого с вылетом на десять минут.

Памятуя уроки «свободы передвижения» на Западе, я поэтому в итальянском консульстве попросил поставить штампик (без бумажки — таракашка, а с бумажкой — человек). Милая дама жахнула мне туристскую визу.

— И я могу ездить по всей стране?— спросил я.

— Си, синьор.

— Никаких проблем?

— Но, синьор, буон джорно!

Итак, я отправился на главный римский вокзал и сел на «скорый» — воистину скорый — чуть не сто километров в час. В Неаполе я прервал сицилийский маршрут, добрался до порта, сел на батискаф и приплыл на остров Капри — сюда, к «синьору Массимо Горки», зимой 1910 года, сбежав из бессрочной сибирской ссылки, приехал Дзержинский. Продолжать роман о Дзержинском, не рассказав о его дружбе с Горьким, нельзя, ибо два эти гиганта во многом определяли лицо нашей революции, а встретились они на Капри в годину трагичную для России, когда Столыпин громил социал-демократов, когда многие честные люди растерялись, изуверились, дрогнули. Именно тогда Горький ушел в богоискательство, именно тогда на время отошли от Ленина такие светлые умы, как Луначарский и Красин...

Я глубоко убежден, что писать, не погружаясь в обстановку действа, невозможно, причем погружение может быть разным, все, видимо, зависит от меры таланта: коли верить воспоминаниям, то ведь Пушкину потребовалось всего десять минут для того, чтобы понять «Бахчисарайский фонтан».

...Время подобно художнику-гримеру: оно может изменить внешнее; изменение внутреннее под силу лишь актеру, отмеченному искрой божьей. Капри ныне забито туристами, выпендреж здесь невероятный, люди живут не для себя — для окружающих, алчуще заглядывая в глаза: «запомнили

меня?» Страх быть забытым, страх исчезнуть, мелькнув микросекундой, угадывается за этим. (Один старик на целине в пятьдесят шестом году попросил: «Сфотографируй меня, сынок».—«А зачем, батя? Не напечатаю ведь, я о молодежи пишу, о комсомольцах». Старик усмехнулся: «А и не печатай. Все жить покойней: когда помру — дубликат останется на земле-то»).

Угадать Капри Массимо Горки и Феликса Дзержинского можно лишь ночью, когда угомонится этот сказочный город, и разойдутся люди, и настанет тишина на крошечных улицах, и лишь старинный колокол будет отсчитывать часы, стеклянный, тихий, островной колокол... А потом колокол пробьет утро, полдень, и ты сядешь на батискаф, вернешься в Неаполь, штурмом возьмешь переполненный вагон экспресса на Сиракузы, приткнешься к окну (мест нет, какие тут места, спят в проходах, подстелив газету) и отправишься в Сицилию...

...Лишь после того, как наш состав загнали в трюм парома и эта белая громадина, сотрясаясь, почапала через красивый, йодистый, провально-черный в безрассветной еще ночи Мессинский пролив, в вагоне стало возможно дышать: пассажиры поднялись по узеньким корабельным лестницам на палубу — в буфете давали горячие сосиски и ледяную «колу», дул легкий бриз, и двадцать пять градусов казались сейчас прохладой после спертой духоты переполненных купе и коридоров «транситальянского» экспресса.

Сицилийский берег медленно выплывал из темноты, а может, и не из темноты выплывал он, а просто начало светать, и наступало разочарование: когда ждешь встречи с неведомым, всегда кажется, что увидишь нечто совершенно особое, а ничего особого не было — так же красиво, как и на Севере.

В Мессине сошли почти все пассажиры; можно войти в любое купе и сесть; после ночи на ногах это блаженство. Спать, однако, было бы преступлением: за Мессиной началась песчаная, иссушенно-желтая, истинная Сицилия: лимоны, оливки, грома-

дина Этны. Я вспомнил студенческие годы, когда мы засматривались фильмом «Под небом Сицилии» с Массимо Джеротти в главной роли; молодой судья стоял на вокзале в маленьком, глухом городишке, а подле него был старик, который говорил устало (всезнание и опыт на экране обычно отмечены печатью усталости):

— Послушайте, вы ничего не измените здесь. Уезжайте в Палермо, сейчас будет последний поезд.

Судья пытался драться с мафией, наивно полагая, что закон на его стороне...

...А Сиракузы меня ошеломили своей тихой провинциальностью, извозчиками, африканской жарою и колючим песчаным суховеем: былому величию отчего-то всегда сопутствуют зной и колючий ветер пустынь; так было в Вавилоне, и в ливанском Баальбеке было так же, и на Мачу Пикчу, в Перу, было подобное ощущение, хоть и не дул песчаный суховей, и холодные горы громоздились окрест, и солнце было сухим, ослепительным, неживым, отрешенным, что ли. Неужели утраченное величие — константа постоянная и невозвратная?

...В подвале, где размещался офис по аренде машин, было сумрачно и прохладно. Часы показывали двенадцать — до сиесты, обязательного трехчасового послеобеденного отдыха, оставалось полчаса, от силы — час.

Диспетчер выслушал мою просьбу, ушел в гараж и выгнал роскошный «ягуар».

— С кондиционером,— пояснил он,— не будете страдать от жары.

— Сколько это стоит?

— Ерунду,— ответил диспетчер и протянул мне проспект цен.— Двадцать пять тысяч в день; двести лир за километр пробега. Сколько километров вы намерены проехать?

— Четыреста.

— Тысяч девяносто. Плюс бензин — «ягуар» заправлен. Это еще пятьдесят тысяч. Итого,— он тронул клавиши ЭВМ,— тысяч сто сорок, двести долларов или около того...

(Я выкроил из своего бюджета сто долларов на поездку по Сицилии — хм-хм...)

— А нет ли у вас маленького, дешевого «фиатика»?

— Нет, увы.

— А модели «124»?

Диспетчер снова покачал головой.

«Погорит моя поездка,— подумал я.— Если не начать наступление».

— Ну что ж, очень сожалею,— сказал я,— до свиданья. Пойду к вашим конкурентам.

— У нас здесь нет конкурентов,— ответил диспетчер.— Вам придется вернуться в Мессину. Потратите день — поезд из Сиракуз уходит вечером. Заночуете в отеле — тридцать тысяч. Ужин — четыре тысячи. Завтрак — две. Так что экономия будет небольшой.

— Слушайте,— взмолился я,— я ведь вижу ваши машины в гараже. Их много, и там есть маленькие...

— Они сломаны. Вы же не поедете на сломанном автомобиле?

— Не поеду... Я прилетел сюда издалека, я так хотел посмотреть ваш остров...

— Все американцы хотят посмотреть наш остров.

— Я не американец.

— Немцы тоже хотят смотреть наш остров и рентуют «ягуары».

— Я русский.

— Все ру... Что?! Русский?— Диспетчер широко открыл глаза и крикнул:— Паоло, иди сюда, тут русский! Настоящий русский?

Я протянул ему паспорт. Паоло и диспетчер разглядывали его, как диковину, потом выгнали мне маленький «фиат», оформили страховку по льготной цене, а на прощание сказали:

— Мы предупредим Мессину, что вы можете опоздать часа на три, с вас не возьмут за это деньги, потому что часы очень дороги, а у вас, видно, туго с лирами, буон джорно, камерата, салют, аривидерчи!

Я проехал по улицам новых Сиракуз — полная «обезличка», архитектура коробок. А потом я попал в старый город и увидел огромный порт, гладь Средиземноморья, и понял, отчего Карфаген так стремился владеть этим городом. Занятно: Ганни-

бал мог стать победителем, он мог положить Сиракузы к ногам Карфагена, если бы там не существовали две партии — «торговая», то есть партия войны, и «аграрии», партия мира. Схватка двух сил внутри Карфагена, победа «аграриев» в чем-то определила поражение Ганнибала— армия бессильна, когда возобладала идеология добрососедства; все, казалось бы, просто, но к пониманию этой простоты человечество шло чуть не два тысячелетия, пока не родился Маркс и не сформулировал истину научно. «Лирики» всегда были в загоне, видимо; слово науки — первенствующее слово, как бы ни протестовали приверженцы иных поэтико-мистических версий. (При этом мне сдается, что «аграрии» — то есть люди активного землепашества, истинные книжники от сельского хозяйства — обычно стоят на позициях прямо противоположных «почвенным», которые во всем уповают на традиционность; слов нет, традиция необходима в культуре; она невозможна в работе. НТР, ничего не поделаешь, научная революция, а революция всегда ломает старые традиции).

2

— Мафия и фашизм?— спросил собеседник, пропуская меня в свой кабинет.— Эта тема интересна в высшей мере. Пошли на балкон, там не так душно. Что будете пить: виски, вино, джин?

— Я за рулем.

— Значит, вы вправе пить все,— усмехнулся он.— По новым законоположениям шофер может выпить один аперитив, то есть бокал виски с водой, бутылку вина и коньяк с чашкой кофе.

Мы сели на балконе, под тенью полотняного зонтика: под нами была Катанья — огромный, шумный город восточного побережья. Влияние Неаполя, который был объединен с Сицилией многие годы, очевидно — разноцветное белье на палках, перекинутых через улицы, невероятный шум и одинаковость цвета домов — жухло-серый. Люди солнечных стран тяготеют к серьезности цвета, подвластного им, а как было бы красиво, покрась они стены

белым, желтым, зеленым, как невероятно это было бы, как весело...

— А деньги?— спросил собеседник, когда я сказал ему об этом.— Откуда деньги? Хозяин не желает вкладывать лиры во внешний вид, ему достаточно того, что квартиры дают огромный доход, квартиры, а не фасады. Муниципалитет? Он нищ.

Собеседник — профессор истории, он стар уже; вышел на пенсию, переехал из Рима на родину — под тревожное солнце Сицилии.

— Фашизм и мафия,— повторил он и потянулся к сигарете.— Это в высшей мере интересно, знаете ли. Это даже интересней проблемы подлинного перевода слова «мафия». Одни утверждают, что мафия — это «Смерть французам», «Морте ай франчези», и относят ее создание к тринадцатому веку, к времени «Сицилийской вечерни», когда народ разгромил оккупантов Карла Анжуйского. Другие полагают, что мафия родилась в середине прошлого века, примкнув к повстанцам Мадзини, выдвинув свой лозунг: «Мадзини Ауторидза Фурти, Инченди Авеленаменти». Первые буквы слагаются в «МАФИЯ». Что это значит? «Мадзини разрешает похищения, поджоги, отравления». Занятное толкование Мадзини, не правда ли? Отложим исследование вопроса о происхождении мафии — американской ее сестрице «коза ностра» выгоднее отстаивать версию тринадцатого века, патриотическая борьба за народ и тому подобная химера — североамериканцы любят исторические ассоциации, престижная нация, ничего не поделаешь. А вот фашизм и мафия... Существует версия, что Бенито Муссолини выступал против мафии, поскольку та являлась серьезной, а главное, «организованной силой», истинным государством в государстве. Существует версия, что Муссолини не хотел терпеть в Италии никого, кто был связан единством помимо «единства фашизма». Словом, сейчас утверждают, что беззаконный закон Муссолини выступил против беззакония «законного» (я имею в виду универсальный воровской жаргон «вор в законе»), против мафии. Я, однако же, не согласен с этого рода утверждениями; более того, отмежевание фашизма от мафии тщательно

организовано, ибо оно сейчас угодно обеим этим силам.

— Доказательства?

— Я изложу вам мою версию. Вы вправе не согласиться с нею — тут с ней не очень-то соглашаются. Впрочем, выслушать не значит согласиться,— заметил он,— выслушать — это значит приобрести суждение, качественно отличное от твоего. Итак, немного истории: через два года после захвата власти в Италии дуче приехал в Сицилию. Говорят, он был прекрасным оратором, начал свою политическую карьеру как социалист, тогда-то и научился использовать фразу, знал, о чем говорить и что предлагать народу.

Охрану диктатора во время его визита в Сицилию организовывал Цезарь Мори; после триумфа дуче в Палермо он был утвержден префектом сицилийской столицы. Во время торжественного обеда Муссолини обратился к Мори: «Мне бы хотелось послушать албанские мелодии». Неподалеку от Палермо находилась коммуна Пиана дей Грей. Там жили албанцы, сбежавшие от турок,— их песни и танцы поразительны и диковинны, а мы, сицилийцы, племя странное, не высчитанное наукой, смешавшиеся впоследствии с греками и арабами, мы любим все диковинное. Поскольку желание дуче было высказано внезапно, Мори, естественно, не успел организовать там охрану, а ехать надо было немедленно — Муссолини был нетерпелив, как женщина. Мори, приехав к Пиана, отозвал мэра, дона Куччио Касция: «Ты отвечаешь за тишину и безопасность». Дон Куччио был руководителем мафии в Пиана, это знали посвященные, это, понятно, знал полицейский ас Цезарь Мори. «Я хочу приветствовать жителей коммуны, верных сынов новой Италии»,— сказал дуче. Мори подтолкнул дон Куччио к машине Муссолини: «Сядь рядом с ним». Дон Куччио подмигнул фотографам, подошел к Муссолини, положил руку на плечо диктатора и сказал: «Дуче, пока я рядом с вами, ни один волос не упадет с вашей головы — вождя чарода и моего друга: Италия — вам, Пиана — мне».

Через несколько недель дон Куччио прибыл

в Рим — он хотел получить вознаграждение от дуче за путешествие по Пиане. Секретариат диктатора, однако, во встрече с Муссолини ему отказал. Дон Куччио надвинул шляпу на глаза и отправился в порт: он не привык к оскорблениям, он вернется в Палермо и там решит, как вести себя дальше.

У трапа его ждал Цезарь Мори. «Дорогой друг, дуче был введен в заблуждение,— сказал полицейский.— Он не понял, что речь идет о вас, вы назвали себя слишком фривольно, одно имя, без титула, к этому не привыкли в секретариате. Едем, вождь ждет вас».

«Линкольн» префекта доставил расцветшего от удовольствия дона Куччио не во дворец дуче, а в тюрьму.

— Смысл? Сведение счетов? Два честолюбца?

— Не знаю. Быть может. Есть, однако, допуски иного рода,— ответил мой собеседник.

— А именно?

— Давайте идти по порядку. Что такое мафия? Это ведь не только наркотики, похищения людей, игорные дома, коррупция, расстрелы, проституция, взятки, шантаж, черный ход в большую политику. Это еще и налоги, которые сицилийские латифундисты хотели получать с крестьян за ту землю, которую они сдавали в аренду. Дополнительные налоги, в обход государства. У нас мало земли и много крестьян. И вся земля принадлежала латифундистам. Так вот, беззаконные налоги с крестьян в Сицилии взымала мафия в пользу латифундистов, живших в Риме, отчуждая часть из этих денег в свой карман — за услуги и риск. Муссолини, однако, не хотел упускать эти деньги, он хотел получать все.

И Цезарь Мори начал аресты среди «крестьянских мафиози»; он, впрочем, начал снизу — заметьте себе, в этом разгадка многого. Во всех маленьких городках Сицилии были арестованы сотни мафиози. Их приковывали друг к другу цепями и отправляли в концлагерь на остров Липари. Префект Мори ездил по Сицилии и лично руководил арестами. Он исчез из Палермо на пять дней и вернулся из Рима с законом о введении смертной казни. В тот

же день он распорядился о применении пыток во время допросов рядовых мафиози: через тела пропускали ток, срывали ногти, жгли ступни ног. Мори добился своего: святая святых мафии — «закон молчания» треснул. Рядовые мафиози, не выдержав пыток, начали показывать все, что знали. Муссолини выступил в парламенте: «Благодаря бесстрашному скальпелю Цезаря Мори я покончил с мафией!» Вскоре Цезарь Мори стал чуть не национальным героем Италии. Его понесло. Он арестовал одного из руководителей «высшей» мафии дона Витоне и дона Кало. Потом он поднял руку на нескольких «старых борцов фашизма» — к ним потянулись нити от «низшей» мафии. Он бросил в тюрьму депутата парламента, старого друга «движения» Куччио, нескольких адвокатов мафии и врачей, которые делали операции раненым безымянным пациентам. И в тот день, когда Цезарь Мори во время выступления в одном из литературных клубов Рима (он стал пописывать, это страсть у полицейских) ликующе объявил, что он нащупал тайный штаб «высшей» мафии, адъютант шепнул префекту, что его просят к телефону по срочному делу. Мори выслушал просьбу заместителя министра внутренних дел, вернулся в зал: «Друзья, срочные дела у министра, до завтра». Однако «завтра» не состоялось: Цезарь Мори получил отставку; полнейшее безвластие настало для префекта, безвластие и запоздалое понимание истины: «заигрался». Через месяц после его отставки был заменен весь полицейский и судебный аппарат в Сицилии. Рим объяснил и это: «мафия выкорчевана, наступила пора спокойствия, чрезвычайные меры не потребны более».

Все, однако, на самом-то деле было проще и сложней — победила мафия, победила своим обычным, долгим методом. Сработала цепь связей, то есть основоположение тотальной коррупции. Началась же история проникновения мафии в «движение» чернорубашечников еще до победы Муссолини, когда молодой фашист, убив левого интеллигента, обратился за помощью к «крестным отцам» — только те могли надежно укрыть и обеспечить алиби: по приказу старшего любой темный мафиози

готов взять на себя чужую вину. Мафия, при всей своей скрытной монолитности, тем не менее персонифицирована: фашиста укрыл и спас дон Кало, тот самый дон Кало, который был привлечен к ответственности наивным Цезарем Мори как раз накануне его скандального и бесславного увольнения от должности.

Естественно, дон Кало был отпущен через несколько дней после изгнания Мори.

Более того, соперник дона Кало, признанный «босс» дон Витоне, был брошен в сырой карцер — старика заставили умереть, короновав дона Кало, друга фашизма, новым «боссом» Сицилии.

...Я ехал по широкой автостраде, брошенной через долину. Горы громоздились вдали — синие, резкие, как прыжок, затаенные. Пустая автострада, ни души, один лишь мой «фиатик» — затерянность...

«Так промахаешь всю Сицилию»,— подумал я, вспомнив, как три года назад прорезал Италию с запада на восток, до Югославии, по такой же, даже еще лучше, автостраде; скорость — сто тридцать, «втягивание» в ритм, нет времени глядеть окрест — только перед собою; тоннели, залитые резким желтым светом, десятки тоннелей — и никакой Италии. Автострада отчуждает пейзаж, она угодна скорости, как некоей самоцели. Стоп! Не начинаешь ли ты тяготеть к прекрасным, но безвозвратным временам кибитки?! «Проселочным путем люблю скакать в телеге и взором медленным, прочзая ночи тень, встречать по сторонам...» Прекрасно? Еще бы! Но ведь ушло! Значит, видимо, надо думать о том, чтобы как-то навязать нынешним скоростям хоть гран былой поэзии, осмысление пути, щемящую жалость промелькнувшего. Как? Не знаю. Но только не уповая на минувшее — это дезертирство и беспомощность.

...Я переместился в крайний ряд и съехал на «муниципальную» дорогу, маленькую, узкую, щербатую, и повела она меня в горы, в тишину, к «крестным отцам», в самый центр безлюдной, жаркой и затаенной Сицилии...

3

— Не верьте вздору о мафии,— сказал Нино, хозяин таверны, где я остановился; мой приятель из Катаньи порекомендовал пообедать именно там: «Хозяин, дон Нино, старый мафиози, десять лет прожил в Нью-Йорке, поговорите с ним в открытую, считают, что он «паблик рилэйшенс офисер», после «Крестного отца» мафия пытается расположить к себе прессу».

Дон Нино был одет в легкий белый костюм, сама элегантность; очки в черепаховой оправе делали его похожим на ученого. Он проследил за тем, как официант принес нам спагетти, налил в стаканы черное — до того оно было густым — вино, закурил, картинно забросил ногу на ногу и придвинулся ко мне еще ближе, склонив голову чуть не к скатерти:

— Про мафию пишут некомпетентные люди. Несчастные сицилийцы были вынуждены защищаться от захватчиков — они смогли защитить себя с помощью мафии. А потом мафия стала защищать сицилийцев от алчных римлян, лишь это входило и входит в ее задачи. То же — в Америке. Однако там людям мафии приходится защищать не только несчастных эмигрантов из Сицилии, которые живут, как парии, но и негров. Вы, конечно, знаете трагедию Джо Галло?

— Нет,— ответил я,— мне неизвестна трагедия Джо Галло.

— Сколько же небылиц сочинили об этом борце за гражданские права! Сколько грязи вылили на его голову, прежде чем убить этого кроткого и нежного сицилийца, попавшего в нью-йоркские джунгли... Во время отсид... в то время, когда Галло был брошен капиталистами в тюрьму — его оклеветали, само собой, американцы,— никто так не относился к неграм, как он. «Эти люди должны иметь равные права с нами»,— говорил Джо, и за это его бросали в карцер и лишали прогулок. А потом, когда правда восторжествовала и он вернулся домой и обратился ко всем неграм со словами братства и дружбы, его убили. Был ли он в мафии, я не знаю, но если члены организации ведут себя, как он, то я сам, знаете

ли, готов вступить в это братство. А Джозеф Коломбо? Ведь никто с таким блеском не обвинял империализм в глумлении над этническими меньшинствами — вы, видимо, знаете, каково жить неамериканцам в Соединенных Штатах... И что же? Наемный убийца изрешетил его пулями, и несчастный Коломбо остался инвалидом на всю жизнь, инвалидом с помутненным сознанием — злодейская рука вырвала его из рядов борцов за гражданские права национальных меньшинств.

— Это тот Коломбо, который судился с министерством юстиции США?

Дон Нино снял очки, протер их замшевой тряпочкой и, кашлянув, спросил:

— Какой процесс вы имеете в виду?

— Тот, который он выиграл. Помните, когда он заставил министерство юстиции потребовать у создателей фильма «Крестный отец» изъять из картины слова «мафия» и «коза ностра». В фильме ведь ни разу не произносятся эти слова.

— Что-то не помню, право... Видимо, он не хотел, чтобы мифическую «коза ностру» связывали с фильмом, в котором рассказывается о трагедии несчастных сицилийцев в столице мирового империализма...

Дон Нино, видимо, был плохим «паблик рилэйшенс офисером», иначе не переместили бы сюда из Штатов. Он б о я л с я, он все время боялся сказать не то или посмотреть не так. Он аж замер на мгновение, когда у него вырвалось «отсид», «отсидка», слэнг гангстеров. Он говорил штампами, рассчитанными на прагматичных американцев или доверчивых сицилийцев, он не готов к серьезному разговору, когда его лозунгу противополагается определенного рода з н а н и е. Как проинструктировали бедного дона Нино, так он и шпарит, считая, что вкрадчивость голоса, широта улыбки и доброжелательность во взгляде могут компенсировать отсутствие логики в его препозициях.

Не за то убили Джо Галло, что он негров защищал; не за то прострелили череп Коломбо, что он радел о судьбе этнических меньшинств,— липа это, чистейшая липа.

Дело заключается в том, что Коломбо и братья Галло — Ларри, «Бешеный Джо» и «Козленок Блэст» — воевали за первенство в нью-йоркской мафии. И Коломбо и братья Галло владели игорными домами, претендовали на монопольность грабежей в доках Бруклина и на право вытряхивать всех тех, кто появлялся на набережных после десяти часов вечера.

Братья Галло ударили первыми. По их поручению Джелли, наемный исполнитель братьев, выпустил обойму кольта в старика Франки. Когда сюда, в таверну «Кариелло», прибыли полицейские, старик потерял сознание, жизнь покидала его. Хозяин таверны на вопросы агентов отвечал однозначно:

— Я ничего не видел. Когда началась пальба, я разливал виски. Кого приметил? Что я — полицейский?! Никого я не приметил.

Братья Галло убили старого Франки, друга сильнейшего мафиози Профачи и не менее могучего Джо Коломбо,— такое не прощают гангстеры. Но, чтобы отомстить, нужно время. По прошествии двух лет Ларри Галло был приглашен в маленький ресторанчик старым знакомым, «придурком» Шимоне. Когда выпили по рюмашке, Шимоне отошел в туалет. Ларри слушал байку Клеменца, а потом перестал что-либо слышать: на шею ему набросили веревку и начали стягивать ее в мертвый узел — мафия часто казнит удушением. Ларри упал на пол без сознания. Он бы умер, но по странному случаю в ресторанчик вошли полицейские. Началась перестрелка с исполнителями. Те ранили полицейского, выскочили на улицу, бросились в поджидавший их автомобиль и ушли от погони.

Ларри, однако, знал, кто хотел его убить. «Бешеный Джо», этот «защитник гражданских прав негров», нанял Джерома Джонсона, негра, соседа по камере, уплатил ему аванс, чуть не десять тысяч «баков», и предложил устранить Коломбо, «защитника прав этнических меньшинств», люди которого недодушили Ларри. Джонсон взялся убить Коломбо: ему льстило то, что «Бешеный Джо» дважды выступал перед «крестными отцами» с предложе-

нием принимать в «коза ностру» наиболее сильные гангстерские группы негров. «Крестные отцы» отвечали: «Черномазых мы не пустим, мы брезгуем ими». Галло ярился: «Нельзя же работать по старинке! Вы думаете, я люблю негров?! Вы думаете, я ими не брезгую?! Вы думаете, ими не брезгует президент Джонсон?! Но ведь настали новые времена! Негров теперь процентят, их отбирают для работы в правительственных органах! Им начали давать кафедры! Они стали офицерами в армии! И мы должны процентить, чтобы не потерять их вовсе! Добрый мир с ними лучше хорошей войны!» Словом, «крестные отцы» не приняли предложение Галло. Тогда он организовал через прессу «утечку информации»: появились статьи, что «Бешеный Джо» — друг негров. Потому-то Джонсон и взял в руки пистолет, в карман положил десять тысяч и продырявил череп «защитнику меньшинств» Коломбо.

Люди Коломбо ответили на эти выстрелы — своими. «Бешеный Джо» получил пять пуль в живот и лоб. Над его гробом была произнесена клятва: «Улицы Нью-Йорка станут кровавыми реками, «Бешеный Джо», ты будешь отмщен».

В течение недели, последовавшей за этой клятвой, были убиты Ферриано, Бруно Карневале, Ричард Гроссман, Чиприо и Томи Эрнст — мафиози из окружения Коломбо.

«Борцы за гражданские права» душили, резали, стреляли; драка за сферы влияния — кровавая драка, любой титул примешь, любому богу поклонишься, только б сохранить власть и деньги...

— А что вы знаете с Вито Дженовезе и Чарлзе Лучиано?— спросил я, когда принесли поразительно вкусное «капучини» — кофе со взбитыми сливками или бог еще знает чем.

Дон Нино ответил:

— Об этих людях говорят слишком много, но мне кажется, что никто не знает правды, да и никогда ее не узнает. Сильные люди — одно лишь можно утверждать со всей определенностью. И, как говорят все, знавшие их, в высшей мере добрые. Разве злые люди могли бороться против фа-

шизма? Против Муссолини и Гитлера поднялись добрые, разве я не прав?

...Это невероятно интересно, когда ты долго готовишь материал, подбираешь факты, делаешь пометки на полях, сопоставляешь данные, имена, адреса, потом забрасываешь папки в стол — вроде бы вычеркнул из памяти, вздор, безделица, шальная идея, ничего больше. Но память — сложная штука, набор шифров, миллиарды пеналов, нет других таких хранилищ в мире, как бы не ошеломляла Ленинка или библиотека конгресса. Вроде бы ты и позабыл о папках, куда разложил журнальные вырезки, газетные заметки и записи бесед с интересными людьми, как вдруг, стоит высверкнуть по особому какому-то факту — и вся разлапистость материалов отливается в точную форму.

Разговоры в Катанье и Неро оказались теми недостающими звеньями, которые помогли увидеть всю тему собранной, литой, что называется.

У меня в дневниках давно уже хранились кое-какие материалы об одном из лидеров американской мафии Вито Дженовезе. Итальянские мафиози — я видел их фотографии — незаметны, добродушны, тихи; истинные провинциалы в стоптанных башмаках, в рубашках без воротничков. Они преображаются ночью, когда, поглядывая на секундную стрелку, ждут выстрела — их люди разделались с непокорным, который думал жить по законам, отдельным от неписаного устава тайного ордена сицилийцев.

Когда Вито Дженовезе отправлялся в Новый Свет, он был «нижним» мафиози, самым, пожалуй что, «нижним», ибо рожден был Вито не в Сицилии, а в Неаполе, «городе мелких мошенников», как мне сказал в Палермо один синьор — сидел за столиком дорогого кафе в рваных ботинках на босу ногу, пил «Наполеон», который стоит здесь баснословные деньги, и с удовольствием беседовал со мною на хорошем английском.

Дженовезе привлекался к суду пять раз: убийство конкурентов, продажа оружия и содержание

тайных публичных домов. Пять раз он был оправдан за «отсутствием улик» — закон молчания в «коза ностре» идентичен закону «мафии» в Сицилии, с той только разницей, что за нарушение этого закона в Бруклине убивают очередью из автомата, а в Сицилии — выстрелом из старинного карабина.

Этот каскад оправдательных приговоров по делам, которые казались всем бесспорными (заслуживали пожизненного заключения или электрического стула), помог Дженовезе стать одним из руководителей «коза ностры». Он держал в руках проституцию, организовывал грандиозные шантажи, где взносы затравленных им людей исчислялись сотнями тысяч долларов, продажу наркотиков; он, пожалуй что, первым поставил этот бизнес на широкую ногу. Однако завязал этот бизнес в один узел с международной политикой Чарлз Лучиано.

В 1936 году Чарлза Лучиано посадили на скамью подсудимых. Срок — тридцать лет. Его помощник Бошальте был отправлен на электрический стул.

Вито Дженовезе, однако, исчез. Объявился он позже в Сицилии, объявился самым поразительным образом: в штаб-квартире чернорубашечников. Он открыл потрепанный портфель и вывалил на стол триста тысяч долларов.

— Я мечтаю, чтобы великий дуче узнал — его скромный единокровец хочет построить новое здание партии. Думаю, это докажет мою преданность фашистской Италии больше, чем слова иных болтунов.

Дуче узнал об этом; он внимательно изучил досье «крестного отца», он понимал, «кто есть кто» в мире мафии, которой он столь торжественно объявил войну и к разгрому которой так напыщенно звал нацию. Он разгромил мелюзгу; сильных не тронул; более того, он сохранил их — дуче думал о будущем.

— Дженовезе,— сказал он, вызвав к себе мафиози,— в Америке, в этой стране продажных плутократов и финансовых воротил, некий Карло Треска, марксист и мерзавец, оклеветал меня, а вместе со мною и все движение фашизма, то есть движение народных масс, выступающих за свободу и мир,

против интернационального большевизма и алчного империализма. Я хочу, чтобы ты сказал свое слово по этому поводу, Дженовезе.

Дон Вито сказал свое слово: Карло Треска изрезали тремя автоматными очередями из «томми»; разложившийся труп нашли в трущобах старого Манхэттена.

Когда сообщение об этом появилось в газетах, Муссолини вызвал к себе Дженовезе поздно ночью, пригласил к столу и протянул мафиози бокал с шампанским.

— Ты истинный патриот новой Италии,— сказал дуче.— Фашизм не забудет твоей преданности.

А что же Лучиано, второй «крестный отец»? В 1942 году, как раз в то время, когда состоялся первый контакт Муссолини с Дженовезе, узник каторжной тюрьмы был привезен на конспиративную квартиру американской разведки ОСС. Беседы продолжались семь дней. Затем Лучиано, которому оставалось отсиживать еще двадцать четыре года, был поселен в тихом коттедже на побережье неподалеку от Нью-Йорка. Оттуда его перебросили в Африку. В Сицилию он пробирался сам — резидент ОСС начал свою работу. Помимо разведки он помнил и о бизнесе: именно он продал в Сицилии своим друзьям мафиози огромное количество американского оружия — конечно же, «для борьбы с фашизмом»; сделка с Пентагоном исчислялась миллионами долларов; ни одному левому партизану, понятное дело, это оружие в руки не попало. А когда союзники высадились в Сицилии, первыми визитерами у американского губернатора острова полковника Полетти было два друга: Лучиано и Дженовезе; один — резидент американских спецслужб, другой — друг дуче, истинный борец, настоящий фашист.

Кому же они служили? Да никому. Себе. Мафии. Если допустить возможность победы фашизма — Дженовезе вхож к дуче. Если же победят союзники — Лучиано коронован резидентом ОСС.

4

...Структура мафии, рожденная в Сицилии, надежно гарантирует «безопасность преступников, обреченность жертв, непрерывность работы».

Первичная организация — «семья». Именно такого рода «семья» объединяет одну, порой две сицилийские деревни. Кто является членом «семьи»? Отцы, дети, братья (и сестры, конечно же!), двоюродные братья, шурины и девери — поди разруби такого рода «семейную поруку», когда неосторожно вырвавшееся слово ставит под удар не кого-нибудь, а сына или брата! Такое не простят — закон молчания обратно пропорционален «закону мести». По семейному принципу сформировалась и «коза ностра», когда сто лет назад первые сицилийские иммигранты появились в Новом Свете — без знания языка, без профессии, неграмотные крестьяне, умевшие метко стрелять, молчать и благодарить до гробовой доски того, кто дал хлеб их детям.

Несколько «семей» объединены в «коска», что значит «бедро». Семейный принцип и здесь сохраняет свою силу. «Бедра» составляют «ассоциации», которые отвечают за отрасль промышленности или бизнеса; они же получают «налог» с профсоюзов. «Ассоциации» составляют «Л'Онората Сосиета», то есть мафию.

Глава семьи — «капо» (в Европе), «босс» (в США). На случай провала существует «второй босс». Но лишь «боссу» подчинен «советник» — «светлая голова», человек с образованием, чаще всего юридическим. На «второго босса» замыкаются «лейтенанты», которые не знают «босса»; им незнаком и «советник». «Лейтенанты» командуют «солдатами». Именно эти «солдаты» выполняют приказы руководства, «спущенные» через «лейтенантов». Все, как в разведке: исполнителю ничего не известно о задумке «босса», приказ передан через «второго босса»; сплошная цепь, разорвать которую трудно, почти невозможно. (Существуют также «наемники». К числу этих париев относятся «неитальянцы». Их нанимают в качестве курьеров, которые возят наркотики через границу, а также в тех

случаях, когда замыслилась очень сложная операция политического толка — тогда нанимают Рея, Руби; те, в свою очередь, находят своих освальдов).

Главные задачи «солдат»: разложение полиции и госаппарата; установление устойчивого влияния на «ключевых» работников бизнеса, банков, авиакомпаний и портов — во имя этой цели допустимы все пути: шантаж, похищение, насилие, убийство; и наконец, контроль за зонами влияния. Деятельность мафии точно разграничена на легальную и нелегальную: к первой относятся рестораны, которые содержит мафия, бары, доки, аэропорты, порнография, профсоюзы; ко второй — азартные игры, проституция, торговля наркотиками.

Для того чтобы надежно конспирировать, знания итальянского языка недостаточно; не спасает даже сицилийский диалект — агенты полиции специально изучают язык мафиози, ибо сейчас большинство членов «семей» говорит на жаргоне.

Примером того, как мафия умеет скрывать имена преступников, оставляя на дороге штабеля трупов, является «палермская война». Началась она в 1950 году, когда в Италии была объявлена новая земельная реформа, ограничивавшая размеры латифундий. Реформа проводилась из-за того лишь, что левые силы Италии смогли так нажать на правительство, что отказ удовлетворить требования крестьянства мог вызвать падение кабинета. Мафия начала вырабатывать стратегию — в новых условиях надобны новые методы. Обмен мнениями между доктором Наварро, вождем мафии на северо-западе Сицилии, захватившим контроль над всеми портами Палермо, и его молодыми коллегами кончился схваткой. Принципы были забыты — началась борьба за власть. Молодое крыло мафии нанесло удар: Кармело Наполи, старый мафиози, осуществлявший надежную связь между преступниками и муниципальными властями, получил посылку. Когда его телохранитель вскрыл фанерный ящик, там лежала голова одной из любимых немецких овчарок дона Кармело — так в мафии объявляют смертный приговор врагу.

Кармело Наполи немедленно предпринял свои шаги, он знал, как это делается, он помнил уроки старого учителя, «первого монарха мафии» дона Вито Касио Ферро. Об этом человеке следует рассказать подробней.

Когда дона Вито Касио посадили на скамью подсудимых по обвинению в контрабанде, он, посмеиваясь, сказал прокурорам:

— Уважаемые синьоры, вы никогда не сможете доказать мое участие в преступлениях, совершенных моими людьми и мною,— их было много, это я вам говорю. Вы не найдете ни улик, ни свидетелей. Это я вам обещаю. Зачем же вы обвиняете меня в контрабанде — я ведь действительно не занимался этим, слишком мелко для меня...

Он не сказал, естественно, что мелкая контрабанда не нужна ему — «монарх мафии» создал флот, состоявший из пятидесяти кораблей разного тоннажа, это и н д у с т р и я, а не контрабанда.

Уже в начале века его люди обосновались в Нью-Йорке: ни один мало-мальски серьезный шаг не предпринимался людьми «коза ностры» без консультаций с «крестным отцом», жившим в Сицилии, одетым, как средний крестьянин, набожным и тихим доном Вито.

Когда началась первая мировая война, он создал специальные группы мафиози, вооруженные и подготовленные для проведения специальных акций. Отряды мафиози ф о р м а л ь н о воевали в рядах союзников, еще бы, ведь они такие патриоты! При этом, конечно же, грабили склады, захватывали эшелоны, наводили террор на непокорных — война кончится, память о всесилии мафии останется надолго.

Именно в это время дон Вито и принял решение о внедрении мафии в государственные органы. Сотни мафиози — с санкции своих «лейтенантов», а те, в свою очередь, в соответствии с указаниями «помощников капо» — предложили услуги полиции в качестве платных осведомителей. Именно на них была возложена обязанность направлять полицию — если понадобится — по ложному следу.

Следующий этап: рекрутирование мафиози в

карабинеры — охранник порядка днем, нарушитель — ночью.

Третий этап — выдвижение своих кандидатов в депутаты: начали практиковать это в Палермо, закончили в Риме.

Прорастание оказалось куда как более постоянным и надежным, чем все остальное: был разгромлен Муссолини, люди дона Вито Касио остались. Те, которым пришлось уйти из-за компрометирующих связей с фашистским режимом, уступили места «оппозиционерам», загодя подготовленным мафией. «Советники» думали впрок, не зря получали баснословные деньги, зазря мафия не платит; дурню с пистолетом, который решетит противника, дают тысячу; тот же, кто думает, кого и как убить, получает миллион; верно говорят: «стрелять — не думать».

...Кармело Наполи проинформировал проросших о посылке; полиция установила негласное наблюдение за его домом; два телохранителя утроили бдительность, при каждом подозрительном шорохе хватались за парабеллумы; ночью дом охраняло пять человек. Прошло три дня, четыре — никаких тревожных симптомов.

Наполи был убежден — его неведомые враги поняли, что рисковать нет смысла, ибо он сомнет любого. Еще бы, связи решают все.

Через неделю, однако, Наполи был убит: его изрешетили автоматными очередями из машины, стоявшей на перекрестке. Почерк «коза ностры». Никто, естественно, не был найден. Видимо, молодые мафиози смогли уплатить больше тем, кто раньше кормился из рук дона Кармело, полиция сработала не на старика, а против него — смена хозяев, ничего не поделаешь.

Следующим был расстрелян Джузеппе Греко.

Затем убили старика Галатоло.

Лишь за десять дней было убито семь человек, так или иначе вовлеченных в борьбу за власть. (Десять дней — семь человек! И — не найти следов. А тут каких-то тридцать свидетелей по делу Кеннеди. Чепуха, да и только, коли соотнести это с приобретенным опытом).

Во время «палермской войны» выдвинулись три молодых лидера мафии: Николо д'Алесандро, Нико Коттоне и Дженко Руссо.

Первым был убит Коттоне, вторым — Алесандро; единственным «младомафиози» остался Дженко Руссо, которого учил «король наркотиков» Лучиано, а опекал дон Кало. Он шел вместе с двумя друзьями в одной упряжке, шел к деньгам и власти. Все были убеждены, что его друзей «погасили» (убили) старики в отместку за гибель «артишоков» («старых мафиози»). Ответ на вопрос — кто планировал убийство — не получен до сих пор. Мне же сдается, что и Коттоне и Алесандро пали по указанию Руссо; борьба за власть — жестокая штука; понятие «былая дружба» в этой драке — сущая абстракция, вздор, сантименты. В мафии умеют бить намертво всех тех, кто не только покушается, — кто может покуситься на твой интерес: в ход идет «нырок» или «веточка» (финка). Неважно, кто замахнулся на твое: «девяностограммовая гиря» («важная шишка») или «муравей» («молодой мафиозо»). Кара одна — смерть. (Замечено, что в «черновой работе» мафиози очень важна роль шляпы: сдвинута направо — «за мной следят», сдвинута назад — «срочно на помощь», сдвинута налево — «я вижу тебя и постоянно слежу за тобою»).

Вито Дженовезе, впрочем, постоянно сдвигал шляпу налево: «всех вижу, постоянно за всеми слежу» — особенно после войны.

Этот «добрейший», по словам моего собеседника дона Нино, человек должен был получить корону «короля мафии», ибо Лучиано в это время занимался Европой и Кубой, а других конкурентов не было. Он бы и получил корону, но случилось невероятное: жена Анна сбежала из его особняка и потребовала развод.

— Я не могу больше жить под одной крышей с человеком, который жесток до того, что я постоянно ощущала себя в опасности, — сказала миссис Дженовезе судейским.

— Доказательства? — спросили те. — Следы побоев? Свидетельства очевидцев?

— Какие очевидцы?! — Анна всплеснула рука-

ми. — Кто решится показать против главаря гангстеров?!

— Доказательства? Свидетели? — повторили те.

— Свидетелей нет, доказательства — пожалуйста!

И миссис Дженовезе назвала номера сейфов бывшего мужа в Европе: там хранились миллионы долларов.

«Коза ностра» была шокирована, все ждали, как поступит Дженовезе, все ждали з а к о н н о й мести. Однако Дженовезе вызвал своего помощника Антонио Строло, известного всем под именем Тони Бендера, и сказал:

— Тони, мне стало известно, что Стив Франсе предал нас, подтолкнув безумную Анну начать скандал. Я выяснил, Тони, что Франсе принудил Анну начать свое д е л о в Гринвидж Вилледже: они там открыли свои игорные дома и не платили налог синдикату. Я дожен быть отмщен, Тони, потому что Франсе делал все это по приказу и щ е е к, которым было поручено скомпрометировать меня любой ценой. Он продался полиции, Тони, он — изменник.

Тони Бендер отправился в ресторан «Лидо», которым владел «рядовой» Джо Валаки, по кличке «Каго», или «Бешеный водитель».

— Слушай, Джо, — сказал он, — придется тебе внимательно слушать телефон. Я стану звонить к тебе каждый вечер, Джо. Ты обязательно дождешься моего звонка, и пока я не скажу тебе — «иди спать, «Каго», ты должен оставаться здесь, понял?

Через две недели Тони Бендер позвонил Валаки и сказал:

— Не надо тебе идти домой, «Каго». Подожди маленько, а?

Валаки задернул занавески в ресторане, запер запасной выход, приготовил пару кольтов. Через час в дверь постучали. Пришел Стив Франсе, про которого раньше дон Вито говорил только самое хорошее, а с ним два «рядовых» из «семьи» Дженовезе, два громилы, Фьоре и Пат. Гости подошли

к стойке, Джо Валаки начал разливать виски по стаканам, и в это время Пат схватил Франсе за горло, а Фьоре воткнул ему кулак в поддых. Франсе рухнул без сознания. «Рядовые» набросили на горло Франсе цепь — тонкую, изящную, из хромированной стали — и потянули ее в разные стороны. Франсе даже не захрипел, потому что по-прежнему был без сознания.

Дженовезе понимал, что только жестокий террор может удержать его у власти: неважно, виновен ли мафиози, нет ли, главное террор, главное вдавить страх в остальных, тогда заткнутся, тогда забудут про Анну, не посмеют помнить, самих себя станут подозревать, чего ж еще надо, если задача так сложна: удержать власть, доказав, что «коза ностра» полна шпионами и доносчиками ФБР, и лишь один он, дон Вите, знает, как разоблачить их и обезвредить.

Следующим был пристрелен общий любимец Петрилли. И Тони Бендер, люди которого изрешетили бедолагу, и Джо Валаки прекрасно знали, что Петрилли никогда не был шпионом, но, глядя друг другу в глаза, мафиози убеждали себя в том, каким гадким мерзавцем был покойник, как он предал дело, как он сделался паршивым агентом «Бюро по борьбе с наркотиками», как опозорил себя и друзей.

Только убийство дона Чича было принято гангстерами, как должное, и никто никого не убеждал в необходимости этой казни. Было установлено, что дон Чич принимал в члены «коза ностра» за 50 000 долларов. Он лишал абитуриента необходимости доказывать свою верность и фанатизм, проходя школу убийств, удушений и дерзких грабежей. Уплатил деньги — ты член «святого семейства», твоего врага убьют другие, конкурента удушат, деньги переведут в нужный банк, прикроют воровскую сделку силою «авторитета» мафии.

Последним в цепи убийств, проведенных «добрейшим» Дженовезе, которому было необходимо расстрелять память мафиози, оказалась операция против Альберто Анастасиа, главного конкурента дона Вито.

Это дело люди Дженовезе готовили особенно тщательно.

Сначала были найдены подходы к заместителю Анастасиа, тишайшему Карло Гамбино. Он умел ждать и любил ожидание. Дженовезе предложил Гамбино пост «босса» в семье Анастасиа, если «сумасшедший» Альберто уйдет. Гамбино решил принять приглашение Дженовезе. Вито отошел в сторону, взяв на себя контроль за операцией, которую решил проводить Гамбино. Тот договорился с Джозефом Бьондо. Люди Дженовезе убедились, что Бьондо не побежал к Анастасиа — игра началась. Через неделю Анастасиа расстреляли два бандита в парикмахерской: тот лежал в кресле, и лицо его было укрыто горячими салфетками после получасового массажа.

А уж после этого Дженовезе решил собрать совещание всех боссов «коза ностры», и первым получил приглашение не шеф чикагской семьи и не босс семьи в Новом Орлеане, а босс мафии в Далласе Джеймс Чивелло и босс Флориды Луис Трафиканте, владевший всеми делами мафии на Кубе: через его руки шел героин по хорошо отработанному маршруту: Китай — Сицилия — Гавана.

Дженовезе вынес на обсуждение три вопроса. Первое: единодушное одобрение всеми боссами его борьбы против шпионов, пробравшихся в мафию; одобрение ликвидации Анастасиа, который покровительствовал шпионам. Второе: одобрение убийства дона Чича и в связи с этим пересмотр «церемонии» приема в члены мафии — полнейшая конспирация. И наконец, третье: запрет на торговлю наркотиками — в какой бы то ни было форме, «этим жестом мы успокоим ищеек, и нас не станут трогать за содержание игорных домов, порнотеатров и типографий для печатания порножурналов. Наркотики — особенно после того, как в Гавану пришел Кастро, лишивший нас перевалочной базы,— идут напрямую в Штаты, а это — вызов правительству, сейчас необходимо выждать».

Боссы были готовы проголосовать за предложения Дженовезе, их умело подготовили загодя. Однако голосования не случилось: половина участни-

ков совещания была схвачена полицией, а Дженовезе, выступавший против торговли наркотиками, получил пятнадцать лет именно за то, что в обстановке полнейшей секретности разворачивал торговлю героином, поступавшим к нему непосредственно от людей Чарлза Лучиано по кличке «Луки».

5

По свидетельству, приведенному в книге «История китайской разведки», изданной в Лондоне три года назад, один из маоистских лидеров выдвинул теорию «героиновой войны» против Запада.

Сейчас, — по утверждению прогрессивной испанской прессы, — штаб-квартира героиновой мафии находится не в Бруклине и не в Палермо. В китайском пригороде Антверпена сокрыт филиал координационного центра по «разложению врага», центра необъявленной «опиумной войны»: не «белые» ныне вторгаются в Китай в поисках опиума, но маоистские стратеги готовят завоевание Западной Европы и Америки, открыв — с помощью мафии — ввоз яда, превращающего солдата в жалкого истерика, а офицера — в параноика, неспособного принимать решения.

Три года назад в Европе было конфисковано около трехсот килограммов героина, в 1976-м — семьсот. По заключению «Интерпола» эти семьсот килограммов — лишь десятая часть всего поступающего из Азии героина. Один килограмм годен для того, чтобы изготовить и продать двадцать тысяч порций! Следовательно, два года назад маоистские производители опиума, работающие в контакте с мафией, поставили в Европу героина — как подсчитали итальянские журналисты, — достаточного для продажи ста пятидесяти миллионам человек!

Отчего же начался такой немыслимый героиновый бум? Героиновый бум возможен лишь там, где существует разочарование, страх, безработица, где молодежь обязана платить огромные деньги за обучение в университете, где очевидны симптомы всеобщего экономического спада. Пессимизм мо-

лодежи не зальешь виски — слишком дорого. Наркотик куда дешевле, особенно после того, как американцы убрались из Вьетнама: более семидесяти процентов солдат США покупали наркотики — полнейшее разложение! Героин, заготовленный для солдат Америки, хлынул в Западную Европу. Сначала цена была вполне «пристойной» — 50 марок за грамм. Масса молодежи начала курить марихуану — об этом же поется в рок-опере, это так интересно, новые ощущения и все такое прочее! Молодежь втянули умно, тонко, расчетливо — служили этому и фильмы и книги. А потом цены на героин неожиданно подскочили. Да еще как! В 1976 году грамм героина поднялся в цене — 200—300 марок. А в прошлом году цены еще более взвинтились: 1000 марок за грамм! (Вспомните, в позапрошлом году было конфисковано 700 килограммов героина! То есть 700 000 000 марок! И это — десятая часть того, что было продано! Значит, общий оборот составляет 70 000 000 000 марок, что-то около тридцати миллиардов долларов!)

Сейчас Амстердам обложен полицией. Китайские «героиновые мафиози», — как сообщил начальник сектора амстердамской полиции, — начали постепенную передислокацию в Лондон. Симптом этой передислокации, в частности, проявляется новым качеством преступлений в Великобритании. Полицейские ФРГ, Западного Берлина и Голландии вывели некий график, трагический, надо сказать, график: неорганизованная проституция, особенно детская — наркомания; шальные убийства, ради того, чтобы завладеть кошельком с небольшими даже деньгами — наркомания. Поставщики героина ощущают власть над своими пациентами — количество их исчисляется ныне десятками тысяч: некий китайский героиновый воротила требовал от юного американца, жившего в Амстердаме, два гоночных велосипеда в сутки — за это он давал ему дневную понюшку героина; угон велосипедов и мотоциклов становится массовым. (Я видел, как в Риме мужчина подъехал к бару на мотоцикле, чтобы позвонить по телефону. Он опустил жетон, поглядывая то и

дело на мотоцикл. Начал говорить о чем-то. Итальянец — эмоции, увлекся; жестикуляция, порывы, приседания, горький смех, угрожающий крик, поворот на месте с перебрасыванием трубки к правому уху, ибо левое вспотело от напряжения... Именно в эту секунду трое юнцов — тринадцать, пятнадцать и семнадцать лет, не больше — бросились к мотоциклу, вскочили на сиденье, обхватив друг друга руками, младший толкнул «индиану» под гору, старший сунул «отмычку» в то место на фаре, где установлено зажигание, малыш успел вспрыгнуть на багажник, мотоцикл покатился, мотор заработал; владелец выскочил из бара; вопль, побелевшее лицо, погоня; маленький митинг; свидетелей все прибавляется; начали раздаваться крики, помянули имена ведущих политических деятелей; разбились на кучки — в каждой свой оратор; появилась полиция — на случай беспорядков).

Рост преступности нельзя, однако, объяснять одной лишь наркоманией. Это, пожалуй что, следствие. Причина кроется глубже; она — в самой с и с т е м е. Взять, например, Францию. Там пока еще главенствует не героин, но Его Величество Алкоголь. Во Франции потребляется алкоголя на душу населения больше, чем во всех других странах Западной Европы, больше, чем в США и Латинской Америке. Хотя формально пропаганда алкоголя во Франции запрещена, но он присутствует повсюду: в кино, театре, во всех шоу, которым в Париже несть числа. Ни одна газета не начинает массированной атаки на алкоголь. Почему? Да потому, что алкогольное лобби невероятно сильно, барыши, получаемые магнатами-виноделами и продавцами аперитивов, ошеломляющи, любая попытка прессы, по-настоящему думающей о будущем французов, поднять эту проблему будет погашена, изничтожена на корню; профинансируют производство комикса или комедии, пригласят лучших актеров, которые стоят миллионы, наймут самых выдающихся композиторов и драматургов — те докажут, причем не сухо, лекционно, а о б р а з а м и, которые всегда сильнее словес, пусть самых правильных и пугающих, — алкоголь нужен, он приятен, он дает истин-

ный «рилакс»; перепивать, конечно, не надо, но почему не шандарахнуть по стаканчику?!

Социологи — в той же Франции — высчитали, что росту преступности способствует нынешнее градостроительство: огромные комплексы, безликие, громадные и тяжелые, давят на психику, калечат людей морально. Однако с и с т е м а не может контролировать строительство. Коррумпированность огромных концернов сильнее власти — по-прежнему возводятся комплексы, в которых человек подобен букашке: мал, немощен, затерян. Именно там, в затаенных каменных джунглях, ныне сокрыты самые грозные очаги преступности.

Подсчитано также (на примере юга Франции), что рост преступности невероятно повышается в зонах «индустриального взрыва». Планируются как-либо такого рода «взрывы» на Западе? Нет. Процесс этот стихиен, последствия его — закономерны. Занятно, сейчас во Франции появились статьи, зовущие «назад, к пастушеству, когда отношения были чисты и патриархальны, когда Молох города был неведом людям». Над этими статьями посмеиваются, они на руку воротилам капитала, ибо доказывают н е к о м п е т е н т н о с т ь критиков, которые не в силах предложить какую-либо действенную альтернативу. Действенность альтернативы — ее социальность. Мечтания «а-ля Манилофф» беспредметны, а потому порочны; искать бестию надо там, где она существует, а не прятаться за удобство детских представлений, сие — чревато.

...Американские секретные службы умели благодарить за верность. Причем «операция благодарности» была обычно отмечена такого рода аксессуарами, которые вызывали немедленный отклик в сердцах итальянцев, падких до громких имен и красивых слов, произнесенных перед телекамерами.

Губернатор штата Нью-Йорк Томас Дьюи, называвший Лучиано в конце тридцатых годов «самым мерзким и низким преступником, когда-либо представавшим перед правосудием Соединенных Шта-

тов», резко изменил свою точку зрения. В 1946 году неожиданно для всех он объявил, что тридцатилетний срок отсидки для Лучиано заменяется девятилетним. Вряд ли Дьюи знал, что «узник мафии» не все время находился в камерах каторжной тюрьмы Деннамор. Видимо, ему не сообщили, что «специальный агент ОСС» был тайно вывезен из тюрьмы секретной службой и переправлен в Сицилию. Не сообщали, видимо, губернатору и то, что генеральный консул США в Палермо Альфред Нестер провел секретную встречу с наиболее авторитетными мафиози — Джузеппе Кастеллано, Калоджеро Вольпи, Вито Гауррази (запомните эту фамилию, читатель, мы вернемся к Гауррази, когда будем исследовать историю убийства инженера Матеи) и, конечно же, «боссом всех боссов» доном Кало, «другом фашизма». Тема совещания генерального консула США с руководителями мафии. «Создание мобильной политической группы, которая бы смогла провести в жизнь идею об автономной Сицилии во главе с мафией, в качестве правительства».

Американская секретная служба брала уроки у мафии, особенно во время войны, когда началось тесное, постоянное и хорошо законспирированное сотрудничество. Поэтому люди ОСС (которое тогда еще не стало ЦРУ) научились выстраивать **цепь подступа к тому или иному нужному** человеку. Выстроили цепь подхода к Томасу Дьюи. (Чтобы отмыться от возможного обвинения в связи с американской разведкой, Лучиано — значительно уже позже — бросил журналистам: «Освобождение стоило мне 75 000 долларов, которые пошли в фонд республиканской партии»).

Полицейские привезли Лучиано из тюрьмы на седьмой мол Бруклина — Буш: там стоял под парами не очень большой, но невероятно быстроходный корабль «Лаура Кин».

Трап охраняли докеры из «синдиката преступников» — все порты традиционно находились в руках мафии, как и аэродромы; агенты ФБР, изображавшие любопытных, внимательно присматривались к молодчикам из ОСС; за теми и другими глядели агенты «Бюро по борьбе с наркотиками».

Лучиано подмигнул журналистам:

— Ребята, не ждите сенсаций, все будет тихо, по-семейному...

Тогда еще про мафию знали мало, поэтому никто не понял тайный смысл слов Лучиано. Понимать стали чуть позже, когда один за другим к трапу подъехали звероподобные «кадиллаки» и по сходням поднялись — тогда еще живые — боссы «коза ностры» Альберто Анастасиа, Фрэнк Кастелло, Меир Лански, Сигэл — признанные вожди «семей» мафии. Полиция была обязана пропустить их на борт; все мафиози имели удостоверения о том, что они — руководители профсоюза портовых грузчиков. Полиция была обязана пропустить и других визитеров, приехавших на «семейное» прощание: одним из них был член верховного суда, другой — один из виднейших деятелей правящей партии США.

Проводы удались на славу: Лучиано отказался от корабельной кухни, потому что его друзья подняли на борт плетеные коробки с провизией: сицилийские лимоны, французские паштеты, испанский хамон, норвежские копченые рыбы; вино было, конечно же, итальянским.

В Риме он остановился в суперотеле «Квиринале»; для него были сняты несколько номеров, чуть не этаж: каждый день к Лучиано прибывали все новые и новые люди; «солдаты» мафии перекрыли вход на этаж; визитеров принимали «лейтенанты»; на встречу с «советником» Лучиано уезжал в неизвестном направлении, тщательно проверяясь — не следят ли.

Кое-что, впрочем, удалось установить: Лучиано готовил кадры для превращения Сицилии в свою собственную империю; были уже распределены посты; длинная цепь коррупции работала точно — префекты полиции знали, кому из мафиози они будут давать отчет; судьи продолжали обсуждать с «лейтенантами» размеры ежемесячных вознаграждений «за мягкость», латифундисты обговаривали устойчивость ставок за услуги мафии, словом, все шло, как надо.

И вдруг Лучиано исчез. Как в воду канул. На

поиски «крестного отца» № 2 была брошена контрразведка; немедленно включилось ФБР; заволновалось «Бюро по борьбе с наркотиками».

А Лучиано в это время уже был на Кубе, в гостях у диктатора Батисты. И ЦРУ это знало. Более того, ЦРУ был известен план Лучиано, план воистину гегемонистский. Вот основные его параметры:

1. Сицилия должна стать мировым курортом, с сетью игорных домов, фешенебельных притонов, отелей.

2. Сицилия должна быть сориентирована на США, что обязывает и Пентагон поддерживать Лучиано — не так уж плохо иметь в центре Средиземноморья опорный пункт для американских флотов и авиации.

3. Реализация первых двух пунктов превратит Сицилию в перевалочную базу по торговле наркотиками по маршруту: Дальний Восток — Ближний Восток — Европа — США. Путь в США обязан быть подстрахован особо надежной точкой. Такого рода база на американской территории невозможна, ибо что позволит ЦРУ, то немедленно запретит ФБР, откупаться дорого, зачем лишние хлопоты? Гавана находится рядом с североамериканским побережьем; режим Батисты умеет заставлять подданных хранить обет молчания; плата за болтливость — смерть в маленьких уличках возле Кавалерии, освещенных подслеповатыми фонариками; стоимость приведения приговора в исполнение дёшева — от пятидесяти до ста долларов и пистолет с обоймой. Когда необходимо вмешательство государства, стоимость несколько увеличивается, кубинские полицейские — алчные люди: за арест, допрос с пристрастием и расстрел брали до тысячи долларов с гарантией, что жертва исчезнет навеки и следов найдено не будет.

Отладив «империю дорог и наркотиков», Лучиано появился перед изумленными итальянскими журналистами. Как всегда, поджарый, скромный, лишенный каких бы то ни было внешних эффектов, он сказал:

— Можно ли остановить движение? Конечно же,

нет, оно — вечно. Нам приписывают торговлю наркотиками. Не знаю, так ли это, но если это и так, то, может, разумнее разрешить продавать их легально, с выплатой определенных налогов государствам? В противном случае никто ничего не сможет поделать с контрабандой, как это ни прискорбно для нас, людей чести и бизнеса, что, впрочем, одно и то же...

После эпопеи в Гаване Лучиано купил себе этаж в самом дорогом квартале Рима, в Вомеро, где обычно останавливались принцы крови, премьеры и престижные миллиардеры — нувориши там чувствовали себя плохо. Оттуда он выехал в Неаполь и приобрел бухту — прекрасное место для того, чтобы укрыться от шторма нужным кораблям с товаром. Да и вид на Сорренто прекрасен, ходи себе нагишом по километровому пляжу, не обращая внимания на телохранителей, вжимавших тела в душную раскаленность камней. Побывал на Капри, взял виллу с прекрасным видом на Везувий, оттуда на яхте отправился на Адриатику, там продавался замок семнадцатого века, а Лучиано любил экзотику, пытался читать древних: «В нашей профессии необходимо знание предмета истории, это поможет избежать ошибок в будущем».

Чаще всего Лучиано можно было видеть на Капри. Сначала никто не связывал его приезды на остров с визитами бывшего египетского короля Фарука. Потом связали, несмотря на то, что Лучиано мастерски конспирировал, приглашая к себе на раут внучку Муссолини и внука короля Виктора Эммануэля: тоже вроде бы враги, ан как нежно танцуют, словно голуби, глаз от них не оторвать.

Этого как раз и добивался Лучиано — пусть все смотрят на именитых, он не гордый, он знает цену тени.

Во время одного из такого рода раутов Лучиано смог провести невероятную комбинацию: экс-король Фарук разрешил «королю наркотиков» пользоваться своим банковским счетом — отныне дотошливые финансовые инспекторы не были опасны Лучиано. Он торопился с этим «договором», оттого что знал о первых провалах в Гарлеме: полиция на-

пала на один из его центров по продаже героина, два человека были взяты, в одном из них Лучиано был уверен, как в себе, другой был склонен к дискуссиям на темы литературы и музыки — таким Лучиано не верил.

Однако «музыковед» раскололся после того уж, как Лучиано перевел большинство денег на один из счетов Фарука.

Скандал в Гарлеме перекинулся в Рим. Лучиано пару раз вызвали на допрос, однако улик не было.

— Вы вправе выполнять свой долг, у меня нет к вам никаких претензий, — говорил Лучиано комиссарам полиции, — но стоит ли зря тратить время на безнадежное дело?

Американская пресса начала атаковать губернатора Дьюи: «На каком основании освобожден Луки-Лучиано?»

Губернатор только отдувался — молчал.

Молчало ЦРУ, молчало, но р а б о т а л о. Скандал, связанный с именем Лучиано, которого впрямую обвиняли в руководстве «гарлемским делом», позволил американским властям добиться у Рима права на открытие специального филиала по борьбе с наркотиками по Италии. Шефом был назначен Чарльз Сирагузе, несколько работников ЦРУ, таким образом, переместились поближе к Средиземноморью — вполне пристойная крыша.

Поскольку улик против Лучиано не было в Италии и американская полиция н е с м о г л а найти против него никаких компрометирующих материалов, дело «короля наркотиков» передали в «бюро финансов».

Было выяснено, что Лучиано ежегодно получал на свой личный банковский счет около миллиона франков.

— Предоставьте данные, синьор Лучиано, каким образом вы заработали эти деньги?

— А я их не зарабатывал. Это пожертвования друзей. Люди знают, как я беден, люди знают мою кристальную честность, люди не хотят, чтобы я умер голодной смертью. Да и потом ведь у меня есть фабрика школьных парт, пусть посмотрят мои доходы на производстве — я держу штат, там боль-

шая бухгалтерия, они вам ответят с исчерпывающей точностью.

Пришли данные из Америки: там был обнаружен один из банковских счетов Лучиано на 3 000 000 долларов.

— А откуда это?

— Спросите тех, кто перевел мне эти деньги, если вы так дурно воспитаны и видите в каждом честном человеке преступника.

Провал в Гарлеме не нарушил работу империи Лучиано. Атака героином продолжалась. Наркотики доставлялись из Азии через Средиземноморье к берегам Сицилии—как и было задумано Лучиано в сорок шестом году. Поскольку почти весь флот был в руках мафии (да и поныне контролируется ею), товар сгружали с торговых судов, зафрахтованных «частными фирмами» на Дальнем Востоке, прямо на суда сицилийской мафии. Те швартовались по ночам возле Пунте делла Граперия Гранде; от красивого городка, раскидавшегося вокруг бухты Кастелламаре дель Гольфо отходят две дороги — одна, большая, на Трапани и Палермо, а маленькая, ухабистая — к Тонара ди Скопелло; вот именно по этой дороге, которая белеет в ночи тревожно и цикадисто, крестьяне, выполняя указание «солдат» мафии, перевозили груз на склады «компании по продаже сицилийских апельсинов». Там были заготовки — пустотелые апельсины, сделанные из пластика или воска. На каждый ящик вполне нормальных апельсинов один — с героином. Наутро машины с особыми пропусками министерств, радевших за судьбы экономического развития Италии, беспрепятственно проезжали на территорию порта. Грузили ящики докеры — все, как один, связанные с мафией; везли в Нью-Йорк капитаны, мафией оплаченные; разгружали в доках Бруклина люди «коза ностры» — «активисты профсоюза» докеров.

Перед смертью дон Кало, «босс всех боссов» Сицилии, свел Лучиано со своим преемником Дженко Руссо.

— Вы отвечаете за судьбу дела, — сказал «крестный отец», — а дело будет расти и победит, если мафия по-настоящему обвенчается с «коза

ностра», Сицилия и Америка должны быть постоянно вместе.

После смерти дона Кало его наследники созвали совещание. Прилетели боссы из Нового Света. Об этом стало известно итальянской полиции, но никого из мафиози не потревожили: «Мафию опасно трогать просто так, вот если они попадутся на деле, тогда вступят в действие правила игры — не подставляйтесь, придется привлекать, иначе нельзя, станет трубить коммунистическая пресса, посыплются запросы левых в парламенте, с ними пока что приходится считаться, мы вам рук не связываем, пожалуйста, ломайте им головы, но до той поры, пока они существуют, надо понимать наше положение».

Когда в Рим прилетел Санто Сордже, элегантный, сдержанный бизнесмен из Нью-Йорка, представитель техасской «Римрок тайдлэндс компани лимитед», на аэродроме его ждал «рольс-ройс» стального цвета, шофер и молчаливый крепыш с потрепанным портфелем в правой руке.

Санто Сордже попросил крепыша:

— Пусть шофер отвезет меня куда-нибудь поближе к нашим.

— Наши еще в Сицилии, — ответил крепыш и прижал портфель к груди.

Сордже усмехнулся:

— Диктофон через кожу дает плохую запись, мальчик.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, — искренне удивился крепыш. — Я ваш телохранитель, в портфеле ношу пистолеты, у меня постоянно рвутся ремни, когда я сую кольты за пояс.

Он распахнул портфель — диктофона действительно не было, воронено маслились два кольта девятого калибра.

— Смешно, — сказал Сордже. — Только под «нашими» я подразумеваю не сицилийцев, а коллег из посольства Соединенных Штатов.

— Так вам и заказан апартамент на Виа Венето, рядом с вашими, — ответил крепыш и начал застегивать замки своего портфеля.

(Диктофон был вмонтирован как раз в замок,

прислали друзья из Гонконга, там доки на изобретение таких штучек, Руссо просил писать гостя из Америки постоянно, «дружба дружбой, а табачок врозь»).

Встреча Лучиано, Руссо и Сордже состоялась в банкетном зале отеля «Реджис», обслуживали люди, прилетевшие с боссами из Палермо, официантов с подносами пускали лишь до дверей.

Беседа продолжалась три часа. Санто Сордже подробно излагал все выгоды, которые получит братство, если правительство предоставит исключительную концессию его техасской компании на проведение изыскательских работ в Сицилии: там должна быть нефть — кровь войны, «черное золото», зримое могущество.

Руссо молчал, слушал внимательно, сокрушался по поводу трудности задачи, потом спросил скользя:

— А твои партнеры из Техаса пойдут на сотрудничество с инженером Матеи?

— Никогда, — ответил Сордже. — Ни при каких условиях, он — левый.

— Он не левый,— возразил Руссо.— Он христианский демократ.

— Почему ты задал мне этот вопрос? — спросил Сордже.

— Потому что Матеи — очень сильный человек. Потому что он сделал ЭНИ государством в государстве. Потому что он всегда выполняет то, что намерен сделать.

Лучиано, молчавший до той поры, подвел итог:

— Дженко, в твоем ответе заложена программа наших действий. Да, Матеи — сильный человек, но мы сильней. Да, он превратил ЭНИ в особое государство в системе нашего государства, тем хуже для него, ибо этим правом ранее обладала только одна организация — наша, Дженко. Мы должны сделать ЭНИ обычной компанией, каких в Италии сотни, только так. И наконец, последнее: он, как ты правильно сказал, выполняет все, что задумал. Но разве мы не заканчиваем то, что начато?

— Мы еще не начали, — ответил Руссо.

— Мы начали, — сказал Сордже.

— А я — нет, — ответил Руссо и цыкнул зубом, потому что боялся дантистов и вечно страдал болью во рту.

Лучиано почувствовал, что разговор на этом кончен, он хорошо знал крестьянское упрямство Руссо. Он, впрочем, понимал, отчего так осторожничает наследник дона Кало.

ЭНИ, государственная нефтяная компания, не являлась какой-нибудь частной фирмой, ее деятельность контролировали сенаторы и депутаты парламента, ибо ЭНИ обеспечивала Италии энергию, бензин, дизельное топливо, то есть о р г а н и з о в ы в а л а всю экономику страны. Видимо, думал Лучиано, какая-то часть сенаторов и депутатов, связанных с сицилийской мафией Руссо, не хотела о т д а в а т ь ни в малости, а тем более дядям из Техаса, тем только палец покажи, руку оттрызут. Что ж, придется д а т ь сенаторам и депутатам больше того, что они получают от сицилийцев.

Два дня Лучиано провел в шальных поездках по стране, ловко отрывался от х в о с т о в всех служб разведки, мафиозных в том числе, а потом отправился на Капри. Там произошла с л у ч а й н а я встреча с адвокатом мафии и агентом ЦРУ Вито Гауррази (помните совещание у генерального консула США в Палермо?). Вито Гауррази впервые встретился с Луки-Лучиано давно, в дни краха Муссолини, когда его подвигали на овладение теми позициями, которые остались вакантными после разгрома фашизма. Именно он прибыл в Тунис вместе с высшими итальянскими военачальниками для выработки условий безоговорочной капитуляции; именно он метал громы и молнии против «черно-рубашечников», когда американцы расквартировались в Палермо, именно он вошел в Рим, как «либерал и освободитель». Кому же, как не Вито Гауррази, стать членом «генерального совета ассоциации сицилийских промышленников»?! Ассоциация отправляет его в США — налаживать контакты с американскими коллегами по бизнесу и банкам. Он возвращается, и н е к т о подвигает его к Матеи, на пост «советника ЭНИ».

Когда Матеи поделился со своим штабом идеей о нефтеразведке в Сицилии, его главным сторонником оказался Вито Гауррази. (Информация об этом плане Матеи была отправлена им за океан той же ночью, когда он расстался со «своим другом, экономическим гением» Италии). Сработали механизмы: после того как надавил Техас, несколько ведущих демохристианских лидеров неожиданно высказались против проекта Матеи: «Пусть Сицилия останется сельскохозяйственной житницей страны, не надо рушить уклад».

Матеи начинает борьбу против демохристиан, против тех, с кем он состоял в одной партии. Вито Гауррази с ним рядом — иначе нельзя, засветится. И случается неожиданное: Матеи валит демохристиан в Сицилии; к власти приходит левое региональное правительство. Мафия неистовствует. В Риме — паника, но игра сделана, и Матеи проводит через Палермо законопроект, разрешающий ЭНИ начать изыскательские работы на территории в полмиллиона гектаров.

Вито Гауррази становится генеральным секретарем «Пятилетнего плана реконструкции Сицилии» — все сделки проходят через него, все капиталовложения под контролем адвоката мафии, а ведь это сотни миллиардов лир!

(Поражение, нанесенное Матеи правым, мафии в том числе, не опрокинуло стратегов «тайного ордена». Работа против неистового инженера продолжалась, Гауррази не только информировал хозяев о каждом шаге своего «друга», но и продолжал устраивать их дела — неважно, кто победил на этом этапе, важно, чтобы продолжался оборот капитала своих людей).

Именно через Вито Гауррази и начал свою длинную комбинацию Луки-Лучиано. Он предложил адвокату мафии («по совместительству» советнику Матеи, врага мафии) подействовать на ЭНИ, попробовать повернуть ее к контакту с техасской нефтяной компанией.

— Это трудно, — ответил Гауррази. — Точнее — невозможно.

— Такой ответ не устраивает меня, Вито.

— Меня он тоже не устраивает, но лучше, если я скажу тебе правду, Луки, я, а не другой.

— Что можно сделать для того, чтобы образумить Матеи?

— Порвать его дружбу с арабами, тогда он станет искать союзников.

— Если бы Фарук сидел в Каире, — усмехнулся Лучиано, — твоя рекомендация завтра же стала бы реальностью. Видимо, это невозможно на данном этапе, давай смотреть правде в глаза. Что ж, наверное, остается только один путь?

— Я понимаю тебя, но, думаю, скандал будет так громок, что можно больше потерять, чем приобрести. А если мы попробуем свалить его людей в региональном правительстве? Твои друзья смогут нам помочь?

— Наши друзья, Вито, — ответил Лучиано. — Наши с тобою друзья, ты ведь говоришь со мною с глазу на глаз, тебя не слышат «единомышленники» из ЭНИ.

Друзья из-за океана помогли свалить правительство, послушное Матеи, но случилось непредвиденное, так часто бывает в моменты накальных политических ситуаций: вместо запланированного сицилийского премьера в палермский дворец сел Джузеппе д'Анджело, враг Вито Гауррази. Он-то и выложил на стол Матеи факты о «любимом друге» Вито: тот передал мафии план строительства нефтяного завода, и мафия скупила все земли, которые Матеи спроектировал под свой гигант; убытки ЭНИ исчислялись сотнями миллионов лир, а главное — временем, пока-то перекупишь земли у мафиози, пока-то выбьешь для этого средства в правительстве, пока-то построишь поселок и привезешь рабочих — проект устареет, следовательно, умрет темп, а это — конец.

Матеи вызвал к себе Вито Гауррази, беседа продолжалась пять минут. Адвокат мафии вышел из кабинета президента компании простым адвокатом, но не «советником» и «генеральным секретарем».

Вот тогда-то Гауррази и поехал к Лучиано.

— Да, — сказал он, — теперь не просто можно

убрать Матеи, теперь — время, иначе он сломает нас.

— А скандал? — усмехнулся Лучиано. — Ведь ты говорил, что скандал будет слишком громким?

Вито Гауррази словно бы не слышал Лучиано.

— Мое предложение сводится к следующему, Луки. Во-первых, можно найти безумца, который пристрелит его: «Матеи — враг ОАС». Он сыграл существенную роль в победе алжирцев. Я убежден, что у оасовцев есть вполне подготовленные безумцы, фанатики, готовые на все. Пусть Италия обвиняет французов, пусть вешают собак на ОАС, мы — в стороне.

— Хорошее предложение. А «во-вторых»?

— Надо найти придурка из молодых левых с западного побережья, пусть с ним поработают люди из Техаса, пусть ему объяснят, что Матеи — эксплуататор, такой-сякой, только мягко стелет, а спать несчастному рабочему все равно жестко. И в-третьих, существуют же специальные службы ЦРУ, в конце концов?

— Ты сошел с ума, — легко откликнулся Лучиано. — Болтаешь невесть что. Их специальные службы просят меня о помощи в такого рода бизнесе, они ж сами пока еще не умеют, они чистюли.

Матеи убили, устроив авиакатастрофу. Это легко, ибо множество аэропортов Италии контролируется мафией. Гауррази вновь стал «советником» ЭНИ— всего через несколько недель после торжественных похорон горстки костей, составлявших ранее субстанцию и устремленность Энрике Матеи.

Все попытки размотать подлинную историю гибели Матеи оказались безуспешными: свидетелей похищали, шантажировали; тех, кто притрагивался к правде, — убивали.

Лучиано, слишком верно служивший заокеанским друзьям, погиб странной смертью — сердечная недостаточность. Он, видимо, перестарался: Дженко Руссо не хотел отдавать Сицилию кому бы то ни было, даже техасским друзьям. Лучиано сделал свое дело, пора и на свалку. Он преподал

урок политического убийства, что ж, спасибо, попомним, пригодится в будущем.

...Пригодилось не где-нибудь, а именно в Техасе, в столице штата Далласе.

Можно соглашаться или не соглашаться с моей версией — я не политик, я волен предлагать читателю свою концепцию: дело ученых, следователей и юристов отвергнуть ее.

Основываюсь же я, выдвигая такого рода гипотезу, на том факте, что Джек Руби (погибший в тюрьме от загадочной болезни сразу же после того, как он пригрозил заговорить) привлекался в середине сороковых годов в Чикаго к суду по обвинению в торговле наркотиками — вскоре после этого он стал владельцем ночного клуба. За молчание на суде надо уметь платить. Ему уплатили щедро.

6

— Вы лучше подождите или приезжайте попозже, — сказал мистер Джонсон, — когда вернется моя жена. Она сдавала комнату Ли Харви Освальду, она его помнит.

— А вы?

— Я? — Он пожал плечами, оглядывая нас весьма настороженно. — Я тоже помню, только мне нечего сказать вам.

Он закрыл дверь перед моим носом, не дав войти в ту квартиру, где Освальд жил последние недели перед убийством президента Кеннеди.

— Двинем в мемориальный музей президента? — предложил Джим Бу, мой американский спутник, частный детектив ныне, шериф в прошлом. — Мы успеем обернуться.

И мы поехали из Ок-Клиффа, пригорода Далласа, в центр, в дом, расположенный напротив техасского склада школьных учебников, откуда — по официальной версии — прозвучали роковые выстрелы, оборвавшие жизнь Джона Фицджеральда Кеннеди.

...Я вошел в маленький холл мемориального музея Кеннеди. Несколько человек — видно, туристы — были приглашены в кинозал, и там был во всю сцену изображен Даллас, и красные точки показывали движение президентского кортежа, и проецировались на стену фотографии Кеннеди и Жаклин, а потом было показано здание склада школьных учебников, и стали слышны сухие щелчки выстрелов, а потом мы увидели похороны в Вашингтоне и Арлингтонский мемориал, где покоится тело президента США.

В следующем зале музея представлены экспонаты: книги об участии Кеннеди во второй мировой войне, его кресло-качалка — он любил его из-за ранения позвоночника; стенд, посвященный Освальду. Что же представлено на этом стенде? Советские открытки, русские книги, изданные в Москве. Посетителей музея словно бы кто-то подталкивает к мысли, что Освальд был связан с Советским Союзом, посетителям словно бы вдалбливают мысль: «Смотрите, кто стоял за Освальдом, запомните, откуда этот Освальд».

Откуда у Освальда эти книги? Более подробно я уже писал об этом.

Писали и в зарубежной прессе, повторяться нет смысла; напомню лишь, что в течение нескольких месяцев Освальд жил в Советском Союзе, получив отказ властей на предоставление ему советского гражданства.

Если меня спросят, был ли Освальд именно тем, кто убил Кеннеди, факты, которые привела комиссия Уоррена, заставять ответить отрицательно. Был ли он участником заговора? Да, был. Некая «фигура прикрытия»,—мало знавший, не понимавший конечной цели всего «предприятия».

...После посещения музея Кеннеди я вернулся в дом госпожи Джонсон, именно в тот дом, куда он пришел после того, как Кеннеди погиб, и откуда он вышел, чтобы погибнуть самому от руки Джека Руби.

— Кто вы? — спросила меня миссис Джонсон, придерживая дверь ногой.

— Это писатель из Советского Союза, — сказал Джим. — А я детектив. Вот мои документы.

— Разговор будет стоить пять долларов, — сказала миссис Джонсон, — и вы обязаны записать свои фамилии в особую книгу: это довольно-таки опасно — говорить об Освальде.

После того как мы расписались в книге, оставив свои адреса, миссис Джонсон показала крошечный четырехметровый закуток, где жил Освальд: кровать и белый шкафчик — это все. Дверь выходит в общую гостиную: телевизор и кресла — жильцы миссис Джонсон проводят здесь досуг.

— Пусть мне не говорят, что Освальд и Руби не знали друг друга, — после долгого молчания сказала миссис Джонсон,— пусть в это верят наивные дурашки. За неделю до того, как Освальд был убит, он стоял вот здесь, у дивана, и смотрел телевизор, и там показывали Кеннеди. А я выходила из ванной. Он обернулся, увидел меня, и какая-то особая улыбка, а может, и не улыбка, а просто особое выражение промелькнуло на его лице — точно такое, когда он увидел Руби в тюрьме: я смотрела ту прямую передачу. Я не сомневаюсь в этом, и как бы меня ни уговаривали, что это не так, — меня не уговорят: он здесь жил, и я к нему имела время присмотреться. Как бы меня ни уговаривали, меня не уговорят и в другом: я-то была при обыске, я открывала его шкаф, я видела карту Далласа с крестиком в том месте, где был убит Кеннеди. В музее есть все, только отчего-то в музее нет этой карты проезда президента Кеннеди, которая была сделана ФБР загодя, в Вашингтоне еще. Почему? Чтобы «не было заговора»?

— Здесь мы запаркуемся, — сказал Джим Бу, — и пройдем вниз, вот к тому люку, о котором ты мне говорил.

— Не столько я, сколько ваши журналисты, старина.

— О'ка, — ответил он по-техасски, там вместо привычного «о'кэй» говорят «о'ка» — еще экономнее, время, черт возьми, деньги!

Мы подошли к люку на Элм-стрит — напротив

склада школьных учебников. Джим откинул ребристую металлическую крышку, кивнул мне:

— Лезь.

И я опустился в люк. Джим закрыл крышку — прямо перед моими глазами была амбразура. Машина президента могла быть в зоне обстрела как сверху, из окна Освальда, так и отсюда, снизу.

— Теперь ты, — попросил я. — Как тебе кажется, можно было стрелять отсюда в президента?

Огромный Джим спрыгнул в люк, выставил в амбразуру какую-то палку, крикнул:

— Отсюда стрелять еще удобнее, чем сверху, Джулиан! А наблюдать — тем более!

Кому же было выгодно подставить Освальда на роль убийцы Кеннеди? Ультраправым? Бесспорно. Ястребы не могли простить Кеннеди его попыток начать диалог с Советским Союзом, который всегда последовательно и настойчиво предлагал мир — миру. Но не могли простить этого и ультралевые, считающие, что ядерная война лучше, чем мирное сосуществование. Разве убийство сорокавосьмилетнего президента не есть позод навсегда посеять в американском народе семена ненависти к русским, если злоумышленник жил в Москве?! А кто умеет в Штатах убивать, п о д с т а в л я я? Мафия. Кто ныне снабжает мафию наркотиками? Китайская секретная служба.

...Вернувшись в дом миссис Джонсон после убийства президента, Освальд переоделся. Экономка Ирлин Робертс показывает, что в это время медленно подъехал полицейский автомобиль и на минуту остановился; экономка слышала, как он дал несколько гудков. Она утверждает, что это была машина № 107. Комиссия Уоррена делает вывод: «Полицейские машины №№ 170 и 107 были проданы в апреле 1963 года и номера их не были даны другим машинам до февраля 1964 года». Если заговора не было — все сходится, а если заговор был, тогда как?!

В музее Кеннеди я купил книгу бывшего начальника полиции Далласа Джесса Кэрри, на титуле которой крупно напечатано: «Ограниченное издание для коллекционеров».

В 12.30, когда прогремели роковые выстрелы, после первой паники, охватившей всех, после первых слухов и показаний о том, что «о н и убирали винтовку из окна», в 12.44, то есть через четырнадцать минут, штаб-квартира далласской полиции передает следующее: «Внимание всем полицейским! П о д о з р е в а е м ы й (уже не о н и, а о н) в стрельбе на Элм и Хьюстон-стрит описывается, как неизвестный белый мужчина, около тридцати лет (!), худощавый, рост пять-шесть футов (!), вес сто шестьдесят пять фунтов (!), вооружен винтовкой тридцатого калибра». Кто мог сообщить в течение 14 минут столь точные данные — даже предположительный калибр винтовки?! Кто мог определить вес и рост преступника?! Комиссия Уоррена считает, что эти сведения дал полиции свидетель Говард Бреннен, который видел человека в окне склада школьных учебников. Все это прекрасно и вполне вероятно, однако как Бреннен мог дать показания по поводу роста и веса Освальда — поразительные по своей точности — если он видел его голову, ибо Освальд «не мог стрелять стоя, а лишь с колена»,— как утверждает сама же комиссия Уоррена. Можно ли дать описание роста и веса человека, если видишь его высоко в окне, да к тому же только лицо?! Как мог Бреннен дать описание роста, веса и цвета волос, если он в тот же день, только чуть позже, не смог опознать Освальда в полицейском участке?! Кто же дал информацию, более похожую на данные из полицейского досье подозреваемого, который уже арестован? Комиссия уклончиво отвечает на этот вопрос: «Информация для первых радиопередач была о ч е в и д н о (разрядка моя. — Ю. С.) от Бреннена». Но это же несерьезно, право слово! Был кто-то другой (другие), который и п е р е д а л (передали) в п о л и ц и ю п р и м е т ы О с в а л ь д а.

(В той же «Истории китайской разведки» приводится сообщение о том, что в 1969(!) году, через шесть лет после убийства Кеннеди, накануне первого раунда «пинг-понговской» дипломатии маоистская секретная служба в Гонконге вручила ЦРУ досье на Ли Харви Освальда. Если Освальд никогда

не бывал в Пекине, не связан с китайской разведкой, то каким же образом секретная служба КНР могла иметь на него досье?!)

Вернемся к тому моменту, когда Освальд ушел из дома миссис Джонсон. Полицейский Типпит находился в районе Ок-Клиффа. Ему было приказано находиться в центре Ок-Клиффа, однако он переместился на тихую 10-ю улицу, ближе к Паттон-авеню. Здесь, как показывает единственная свидетельница преступления Хэлен Маркхэм, она увидела «полицейскую машину, которая медленно подъехала к человеку сзади и остановилась около него. Она видела, как человек подошел к правому окну полицейской машины. Разговаривая, он опирался руками о раму правого окна. Когда полицейский спокойно открыл дверцу автомобиля, медленно вышел и направился к передней части машины, ей показалось, что человек этот сделал шаг назад. Затем он выхватил револьвер». (Дальше начинается обычная для доклада комиссии Уоррена странность: Маркхэм говорила по телефону, что убийца «маленького роста, полный, с густыми волосами». Она потом скрыла факт этого телефонного разговора, и еще до того, как ее привели на опознание Освальда, повторила официальную версию — рост преступника 5 футов и 8 дюймов; чтобы не было упреков в повторяемости свидетельских показаний, надо соблюдать известную меру и позволять очевидцам ошибаться на дюйм-другой). Но сейчас мы подходим к главному: где произошло убийство Типпита? И если убийцей был Освальд, то почему он застрелил Типпита в нескольких сотнях метров от дома Джека Руби? Почему его путь из квартиры миссис Джонсон лежал не куда-нибудь, а именно в направлении дома 500 по Марсалис-стрит, где в квартире 205 жил Джек Руби?

Я нашел эту квартиру. Дом стоит возле бензоколонки, рядом с автострадой; несколько подъездных путей и развилок позволяют водителю сразу же развить максимальную скорость — очень удобное место для бегства.

Квартирка небольшая, есть два выхода.

— Здесь трудно взять преступника, — сказал

Джим Бу. — Во всех случаях он имеет преимущество во времени. И обзор из окон абсолютен — можно держать оборону, в случае нужды. Хм-хм, Руби, оказывается, был совсем не простым парнем...

Настало время внимательно рассмотреть личность Джека Руби, его привязанности, привычки, склонности. Проанализируем, где и чем он занимался с той минуты, как убили президента, и до той поры, пока сам не застрелил Освальда.

Несмотря на «пламенную любовь» (показания Руби) к Кеннеди, он не пошел наблюдать его проезд по Далласу и лично приветствовать президента, хотя находился всего в пяти блоках от того места, где Кеннеди был убит, в редакции «Даллас морнинг пост». Узнав об убийстве, он «посерел — настолько он был бледен». Через несколько минут он позвонил Эндрю Армстронгу, своему помощнику по ночному клубу «Карусель» и сказал: «Если что-либо случится, мы закроем клуб». Потом позвонил Ньюмену: «Джон, я должен буду покинуть Даллас». Затем Руби уехал: одни считают, что он был в госпитале, ожидая официального подтверждения о гибели президента, другие отрицают это. Вернувшись в «Карусель», этот «страдалец по президенту» позвонил в Чикаго и сказал некоему Алексу Груберу, что, во-первых, он пришлет ему собаку (какую? почему? каким образом посылают собак из Далласа в Чикаго, за пять тысяч километров? Или это символ мафии: «прислать собаку» — значит убить?); интересовался предприятием по мойке автомашин (в связи с чем? «Мойка» на сленге значит «следы»; шифросвязь?), а уже потом сообщил о гибели Кеннеди.

Затем странный звонок в газету с просьбой напечатать объявление о том, что клуб будет закрыт до воскресенья (то есть до того дня, когда он убьет Освальда). Затем ночной проезд по городу — где побывал Руби, с кем встречался, — до сей поры неизвестно. После этого таинственного проезда по Далласу он появился в полицейском участке. Он быстро шел между двумя репортерами со значками «Пресса Кеннеди» на лацканах, записывая что-то на ходу на клочке бумаги, — «играл» газет-

чика. Как эти репортеры со значками «Пресса Израиля» на лацканах познакомились с Руби?

Когда Руби узнал, что Освальд будет показан репортерам, он с м о г спуститься в подвал и залез на стол, чтобы лучше видеть Освальда, начальника полиции Джесса Кэрри и окружного судью Генри Уэйда. Когда окружной прокурор сказал, что Освальд принадлежал к «Комитету свободной Кубы», Руби громко крикнул: «Нет, к «Комитету за честное отношение к Кубе». Он, видимо, хорошо знал, что «Комитет свободной Кубы» — организация контрреволюционеров, в то время как вторая поддерживала революцию кубинских коммунистов. Неплохая осведомленность для аполитичного владельца ночных клубов, «никогда не видавшего Освальда»?! Чуть позже Руби подошел к репортеру Рэссу Найту из радиостанции КЛИФ и шепнул ему: «Спросите, нормален ли Освальд?» После этого, в два часа утра, он поехал на радиостанцию КЛИФ и внимательно ждал, что ответит окружной прокурор репортеру Найту. Тот ответил, что Освальд вполне вменяем. После этого ответа, как показывают свидетели, Руби «стал очень бледным». Он дождался возвращения репортера Рэсса Найта и передал ему радиоочерк «Героизм», подготовленный радиостанцией, финансируемой ультраправым миллиардером Хантом, — подлый очерк, направленный против политики Кеннеди, против разрядки и мирного сосуществования. (Откуда этот очерк у Руби? Кивок на очевидного мракобеса Ханта? Подсказка следствию: «заговор правых ультра»? У меня нет желания обелять гангстера наживы Ханта, но, когда все время кивают в его сторону, создается впечатление, что кто-то п а р т и т у р н о выдвигает на первый план и без того одиозную фигуру).

В четыре часа утра Руби приехал в редакцию. Радиостанция, пресс-конференция в полиции, встреча с полицейским, визит в газету — напряженная жизнь для вышибалы, нет? Что делал Руби в газете? Он был в наборном цеху, клял Освальда, а потом начал показывать «твист-борд» — приспособление для физических упражнений. «Все хохотали», — свидетельствует комиссия Уоррена. Утром Руби

позвонил по телефону. Он говорил о «переводе Освальда в окружную тюрьму». Свидетель Холмарк обратил внимание на то, что Руби ни разу не упомянул имени Освальда, а употреблял местоимение «он».

В заключении Руби сказал своему неведомому собеседнику: «Я там буду».

(Этому разговору предшествовало событие крайне важное; выступил шеф полиции Д. Кэрри. Вот выдержка из его ответов на вопросы журналистов:

«Вопрос: Вы сказали сегодня днем, что в вашем распоряжении имеются новые данные, завершающие расследование...

Ответ: Я сказал это сегодня утром...

Вопрос: Но это не те же данные, на которые вы ссылались раньше?

Ответ: Нет...

Вопрос: Не согласитесь ли вы сказать, в чем состояли эти данные?

Ответ: Нет. Я не хочу их разглашать. Это может нанести ущерб расследованию»).

После разговора с неизвестным по телефону о пресс-конференции шефа полиции Руби исчез. Никто не знает, где он был с четырех и до девяти часов вечера. Он — после ареста — категорически отказался дать сведения об этих пяти часах. В девять он приехал к сестре, поплакал о Кеннеди, потом отправился в «Карусель» и сделал пять междугородных звонков, сведения о которых Руби также не дал ни суду, ни полиции. Заехав в ресторан «Паго», Руби выпил прохладительный напиток, отправился домой и лег спать в половине второго утра. Утром, по его показаниям, он выехал из дома около одиннадцати, но три телевизионных техника станции «WVAC» У. Ричи, Д. Смит и А. Уокер свидетельствуют под присягой, что видели Руби возле полицейского участка от восьми и до одиннадцати часов утра. В 11.21 Руби, имея в кармане 2000 долларов, пистолет и ничего более, чудом (если не без посторонней помощи) проник в полицейское управление, куда не пускали никого без проверки, и застрелил Освальда. А за мгнове-

ние перед тем, как Освальд увидал пистолет в руке Руби, на лице его появилось то выражение, которое тщетно пыталась изобразить миссис Джонсон, разговаривая со мной в ее доме.

...Теперь попробуем проанализировать жизнь Джека Руби. В его путаном и темном прошлом мне бы хотелось выделить лишь главный эпизод: его участие в торговле наркотиками вместе с чикагским мафиози Полом Роландом Джонсом. В 1947 году Руби был снова привлечен к ответственности — попытка дать взятку шерифу Далласа Стиву Гатри и нелегальная торговля наркотиками. Торговец наркотиками Пол Джонс, по словам шерифа Стива Гатри, часто говорил о Руби: «Джек станет заведовать замечательным рестораном, который будет служить прикрытием для нелегальных азартных игр». «Бюро по борьбе с наркотиками» в своем сообщении о связи Пола Джонса с Руби указывает, что с 29 октября 1947 года Джек был известен под фамилией Руби, хотя многие лица в Далласе знали его как Рубинштейна. 30 декабря того же года Джек сменил фамилию Рубинштейн на Руби — когда дело касается торговли наркотиками, надо соблюдать постоянную осторожность. Видимо, в этой же связи его ночной клуб «Сингапур» был уже в 1959 году переименован на «Северин клаб».

Как сообщает комиссия Уоррена, «два не вполне заслуживающих доверия лица сообщили, что для того, чтобы открыть в Далласе азартную игру и ТОРГОВЛЮ НАРКОТИКАМИ, необходимо было получить РАЗРЕШЕНИЕ РУБИ».

(Кто эти люди? Почему они не заслуживают доверия? И наконец, отчего в числе свидетелей нет Пола Джонса? Жив ли он? Если умер — когда, где и при каких обстоятельствах?)

...Руби отказался дать показания о том, где он был накануне убийства — 29 и 30 сентября 1963 года. Его не было в Далласе в эти дни. А Освальд именно в эти дни находился в Мексике, послушно выполняя чью-то волю: пошел в кубинское и советское посольства просить выездные визы, в которых ему, конечно же, было отказано. (Помните — ведь Освальду было категорически отказано в советс-

ком гражданстве?!) Освальда нарочно светили, привязывая к Советскому Союзу и Кубе. Для чего? Кому это выгодно? Если настаивать на официальной версии: «Освальд — неуравновешенный одиночка», тогда одно дело. А если он — звено заговора? Кому было выгодно навсегда поссорить советский и американский народы? Кому? Правым ультра? Да. А маоистам?

Освальд — «одиночка»? Но как же в таком случае дать ответы на следующие вопросы:

а) почему, вернувшись из Мексики накануне убийства президента, Освальд начал искать объявление о сдаче комнаты именно на Марсалис-стрит, всего в двух блоках от дома Руби?

б) почему, вернувшись из Мексики, Освальд и Руби начали покупать продукты в одних и тех же магазинах?

в) почему, вернувшись из Мексики, Освальд начал завтракать в том ресторане, который обычно посещал Руби?

г) почему, вернувшись из Мексики, Освальд арендовал новый почтовый ящик в том же отделении связи, где был почтовый ящик Руби?

Количество этих безответных «почему» можно продолжить.

Кто даст ответ?

Заговора не было? А кто же перещелкал всех свидетелей?

...Когда я уезжал из Далласа поздним вечером, то самое окно, из которого стреляли в Кеннеди, было освещено: одно зловещее окно во всем темном здании склада учебников, которое ныне сдается новым хозяевам: «Во временное пользование»— так было написано на дверях дома...

7

...Не хочу быть пророком, но, видимо, можно ожидать перестрелок и на мадридских ночных улицах.

Я допустил такого рода вероятие оттого, что

провел несколько ночей в новых районах испанской столицы, там, где сейчас собираются люди о с о б о г о толка.

«Просто так» в те районы идти нет смысла, «просто так» эти районы посещают группки наиболее отважных американских туристов, причем сопровождает их обязательно «офицер безопасности» и, кстати говоря, правильно делает.

Чтобы п о с т а р а т ь с я понять происходящее, вам надлежит пару дней не бриться (меня это не трогает — спасительная борода), смешно также надевать рубашку с галстуком. Желательны заношенные джинсы, бутсы, черный джемпер. Это почти униформа, так на вас не обратят внимания з а в с е г д а т а и. При этом, конечно же, следует исключить выражение интереса, ужаса, скорби, отчаяния, когда вы сядете в углу темного бара на драную циновку, подломите под себя левую ногу, закажете банку пива, достанете пачку сигарет и начнете свою работу — с м о т р е т ь и з а п о м и н а т ь.

Гремит джаз — это включена на максимальную мощность запись. В ходу ныне «пинг-флойды», «музыка с обратной стороны Луны»: время предметных биттлов кончилось, сейчас слушают музыку странную, э л е к т р и ч е с к у ю — истеризм в ней и некая наивная попытка сбежать от самого себя, отдав чувствования свои в ы с ч и т а н н о й на ЭВМ мелодии. Впрочем, мелодии нет, есть какой-то странный «чувственный логизм», что и говорить, «ныне физики в почете».

Модно эту музыку бранить. Куда как труднее в ней разобраться. Меня потрясла реклама одной из пластинок такого рода. На прекрасном глянцевом картоне фотомонтаж: вполне респектабельный мужчина (таких обычно заставляют позировать перед камерой с бутылкой «Балантайна» в руке — «эстеблишмент», с улыбкой и дружеством пожимает руку человеку, объятому пламенем. Причем этот, горящий, тоже старается улыбаться, но в лице его заметно нечто страшное, пепельное (поразительно это шолоховское: «глаза, присыпанные пеплом»!). Разве это не есть пропаганда безысходности и отчаяния?

...Даже если вы придете в один из этих маленьких баров, что возле университетского городка, засветло, когда еще не включены фонари и угадывается в прекрасном мадридском небе багрянец, в котором чувствуется присутствие голубых снегов Сьерра Гарамы, — все равно в баре полутьма, ни одного окна, никакой вентиляции, слоится тяжелый дым, пол завален окурками.

Вот вошли трое: девушка лет шестнадцати, с нею малыши — лет десять мальчику, девчушке того меньше. Взяли бутылку «коки» на троих, малыши ликуют, пьют дозированно, блаженными глотка́ми. Девушка затягивается черным «дукадо». Нога ее выбивает ритм, сначала осторожно, настраивающе, а потом она закрывает глаза, откидывается на подушку — теперь в такт музыке стремительно движутся ее руки, стиснутые в кулачки, а потом малыши начинают плясать, подражая взрослым, бессмысленно, а потому невероятно страшно повторяя все движения. Девушка будет сидеть здесь час, три, пять, и дети будут танцевать, потом они станут ловить ртом табачный дым, и лишь когда к их сестре подойдет парень (или мужчина, или двое мужчин) и протянет ей окурок, и она жадно затянется марихуаной (или героином, или тертым кокаином, или коноплей), и он что-то шепнет ей на ухо, и она погладив малышей, скажет им, что скоро вернется, и уйдет развинченно, — вот тогда только маленькие перестанут танцевать и сделаются тихими, испуганными, беззащитными. И они прильнут к тебе, когда ты спросишь для них еще одну бутылку «коки», ту, единственную, они уже выпили, хотя растягивали удовольствие многие часы, и станут отвечать на твои вопросы доверчиво, чисто, но — и это страшнее всего — понимающе. Они понимали, почему ушла их сестра Эсперанса, они знали, что после трех затяжек белым люди начинают смеяться беспричинно или очень громко спорить, «такие смешные, просто обхохочешься на них глядя», а потом они попросят разрешения пощупать ваши руки — сколь вы сильны. Малыши уважают сильных, ибо окружают их люди развинченные, ломкие, усталые, тяжко собирающиеся по ут-

рам. Малыши уважают силу, хочу повторить это. (Скомпрометировать поколение, целое поколение, разложить его, сделать лишним, и на этой трагедии возвести идеал силы, когда человек будет казаться верхом совершенства, если не курит марихуану, всего лишь — таков, видимо, план, разработанный пекинскими стратегами. Но это — бумеранг, поскольку Система не хочет поклоняться «идеалу пекинской силы», у Системы свои отвратительные «идеалы». И в противовес «развинченным» воспитывают холодноглазых ненавистников, подозрительных, отталкивающих все непонятное, расистов, полагающихся более на автомат, чем на собеседование. Американская провинция ныне — а она громадна — рекрутирует в ряды «холодноглазых» сотни тысяч добровольцев, и это очень страшно, ибо мещанство угрожает цивилизации вне зависимости от того, на каком языке оно говорит. Впрочем, есть ли язык у мещан? Если рассматривать язык как средство для обмена идеями, то есть новым, он отсутствует, обмениваются привычным, нового страшатся, бегут его, а если не удается избежать — запрещают, шельмуют, издеваются над ним. Хочу вспомнить одно высказывание: «Худшая черта нашей культуры заключалась не только в полной импотентности художественного и общекультурного творчества, но и в той ненависти, с которой стремились забросать грязью все прошлое. Почти во всех областях искусства, в особенности в театре и в литературе, у нас на рубеже XX века не только не творили ничего нового, но прямо видели свою задачу в том, чтобы подорвать и загрязнить все старое. В этой связи опять приходится указать на трусость той части нашего народа, на которую уже одно полученное ею образование возлагало обязанность открыто выступить против этого опозоривания культуры. Наша интеллигенция из чистой трусости не решалась этого сделать. Она убоялась криков апостолов большевистского искусства, которые, конечно, обрушивались самым гнусным образом на каждого, кто не хотел видеть перл создания в произведениях этих господ.

Все совершенно непонятное и просто сумасшед-

шее в их произведениях они рекламировали перед изумленным человечеством как продукт внутренних переживаний... Это несомненно являлось симптомом наступающей недоброй эпохи».

«Недоброй эпохой» Гитлер — а он автор этого пассажа — считал эпоху Горького, Маяковского, Брехта, Пикассо, Шолохова, Эйзенштейна, Чаплина, Прокофьева, Жана Ришара Блока, братьев Васильевых, Пастернака, Гарсии Лорки, Меерхольда, Хемингуэя, Манна, Вахтангова, Чапека...

А ведь этот список великих можно продолжить.

Страшно: недоучившийся мещанин, истерик и кликуша с м о г сжечь книги, ноты и картины всех тех, о ком я вспомнил выше. С ж е г! И этому аплодировали холодноглазые недоучки с хорошо развитой мускулатурой, в тщательно отутюженных брючках).

...Девушка вернулась через час — белоглазая, растерзанная. Она как-то странно посмотрела на детей, усмехнулась мне, обвалилась на грязную подушку, и снова руки ее стали конвульсивно сжиматься в такт электромузыке. Малыши, словно щенки, бросились к ней, прижались, словно бы искали защиты, а может, отдавали себя, чтобы защитить сестру.

Позже, часам к десяти, начали приходить парни в майках с портретами Мао и Троцкого.

Те же движения, повторяющие металлоструженый ритм музыки, что и у всех здешних обитателей, то же о т с у т с т в и е во взгляде. Оно продолжается, это отсутствие, долго, невыносимо долго, полчаса, а то и час. Потом, прочувствовав, что ли, посетителей (пожалуй что, именно так — «прочувствовав», ибо и эти, в майках, казалось, не видели никого окрест), типы с портретами Мао лезут в карман и кладут перед собою на столик коробки «мальборо», достают оттуда несколько сигарет, одну откладывают в сторону, сразу заметно — самоделка.

И снова — отсутствие во взгляде, о ж и д а н и е.

Словно бабочка на огонек, из темноты бара подсел к моим соседям юноша — связка книг заткнута за пояс (как смог, черт возьми?! Истинное

«теловычитание»!), видимо, пришел сюда прямо с лекций.

Мой сосед в майке подвинул пареньку сигарету с марихуаной — мизинцем. Паренек передал деньги под столом (ага, вот для чего здесь столики укрыты драными скатертями с бахромой!), взял сигарету, исчез в темноте.

И пошло. Один за другим подлетали юноши и девушки, прямо-таки страшно было смотреть на это. Какие-то новые звуки наполнили темноту бара — вздохи, плач, быстрые возгласы.

Вдруг появился мужчина средних лет, в костюме. Соседи сразу же убрали со стола одну пачку «мальборо», две других оставили, начали громко, подчеркнуто громко, говорить о лекции «дона Анхела», о том, что он — явный человек Франко, что его надо вздернуть: камуфляж политикой — так называется этот прием у «жучков от наркотиков», за такого рода разговоры сейчас не б е р у т, зато симпатии всех посетителей на их стороне, сейчас в Испании все ненавидят франкизм и Франко, все, как один. Даже те старики, которые боготворят Франко, вынуждены защищать свою позицию, вздыхая: «Да, он, конечно, ошибался, но тем не менее кто может спорить, что он был выдающейся личностью? Победить такого сильного противника, как коммунисты, обыкновенный человек не мог бы». Сейчас еще добавляют: «Победить такого мужественного, талантливого противника, как коммунисты». Мол, глядите, как мы объективны, и вам не грех быть такими же, хотя бы по отношению к мертвому уже Франко.

Мужчина, обсмотревшись, подошел к столику тех, кто был в майках:

— Я бы купил немного п е п л а.

У соседей по столу глаз натренированный.

— Сеньор хочет купить пепел? Но ведь пепел в Испании пока еще бесплатен. Если же у вас нет сигареты — пожалуйста, мы угостим вас.

(Коли мужчина — полицейский, то парни тем не менее подставились: цена на сигареты в Испании высока, особенно на ввозные, откуда у студентов деньги?)

Мне, однако, кажется, что правительство сейчас закрывает глаза на очевидное: в Испании, этом бастионе католичества, наркотики ныне расходятся с угрожающим нарастанием. Три года назад полиция обнаружила всего двести шестьдесят граммов героина, в 76-м году — полтораста, а за первые пять месяцев прошлого года полиция арестовала уже семь килограммов дьявольского товара.

А если бы не великолепная работа служебной собаки-ищейки, натренированной на запах героина, испанским полицейским пришлось бы иметь дело уже с несколькими десятками килограммов. После того как собака обнаружила в римском аэропорту товар, упакованный в чемодан, следовавший из Бангкока в Барселону, было принято решение изъять наркотик; оставили несколько граммов, достаточных для того, чтобы задержать тех, кто возьмет чемодан в Барселоне — улика для суда. В Барселоне агенты полиции заметили двух высоких парней и махонького китайца, который неотступно следовал за ними. Парни получили чемодан с товаром. Китаец чуть не прилип к ним, не отставал ни на шаг. Их взяли разом. Выяснилось, что китаец из Сингапура должен стать шефом двух высоченных голландцев,— они бы узнали его по паролю. Пока что он следил за курьерами: сколь надежны, не волокут ли за собой хвост.

Следствие установило, что китаец принадлежал к тайному обществу «Триада». Эта организация глобальна. В римской прессе были названы два ее филиала. Первый — «Во Шинг Во». Недавно Скотланд Ярд арестовал Джорджа Пай, подлинное имя которого Ю Лак Люн. Выяснилось, что «Во Шинг Во» осуществляет контакты с итальянской мафией и «коза ностра» для «консультаций» по взаимовыгодному разграничению сфер влияния.

Сейчас, как утверждает прогрессивная западная пресса, крупнейшая в Европе китайская община в Амстердаме попала под «колпак» полиции и начался исход в Лондон, почву (то есть квартиры, счета в банках, автомашины, связи с транспортными агентствами, хозяевами игорных домов и отелей, где проститутки держат номера) готовит специаль-

ный «отдел распространения» второго филиала, который называется «14-К». Именно этот филиал осуществляет руководство китайской мафией в Англии и Голландии. Полагают, что здесь, в «14-К», задействовано около 100 тысяч участников, причем китайцы осуществляют лишь контроль за передвижением наркотиков — курьерами работают европейцы, так надежней, да и не жаль, если заметут. «14-К» была организована в Гонконге в 1952 году несколькими эмигрантами из КНР. Как-то очень уж благополучно пересекли границу эти «борцы против коммунистического режима», как-то слишком уж поверх голов беглецов жахали пограничники, как-то слишком быстро акклиматизировались эти люди в Гонконге, словно бы имели вполне надежных учителей и советчиков. Построена «14-К» по вполне военному образцу, никто не знает, где штаб, кто во главе его, кому поступают деньги и что с этими деньгами делают.

А ведь электронно-вычислительная техника, оборудование для ракет, средства слежения и перехвата стоят дорого, Пекину надобны деньги на это, деньги громадные.

(«Интерпол» считает, что из «Золотого треугольника», контролируемого Пекином, ныне поставляется в Европу и США около 800 тонн героина. Стоимость одного грамма — около трехсот долларов! Одного грамма!)

Мадридские власти наивно пытаются закрывать глаза на вторжение наркотиков в Испанию: сейчас вообще модно замалчивать торговлю «белой смертью», которую ведет мафия. А зря.

Мадрид и Барселона ныне становятся центром распространения кокаина. В Мадриде уже практикуют несколько адвокатов, специализирующихся именно по этому наркотику. Кокаин — производное от латиноамериканской «коки».

Я видел, как мешок этой травы индейцы в Куско продают на базаре за бесценок.

В США кокаин ввозят через мексиканскую границу; Испания стала перевалочной базой для продажи кокаина в арабские эмираты — отчего-то нефтяные короли предпочитают кокаин всем осталь-

ным видам наркотиков, может, оттого, что французы еще в прошлом веке нюхали «бон тон», короли до такого дела падкие...

Испанцы имеют давние отлаженные связи с рядом арабских стран; здешние мафиози, «базирующиеся» на кокаин, наивно полагают, что, во-первых, арабский рынок еще никем не занят, а во-вторых, «кока» в руках испанцев, Латинская Америка — младшая сестра, как-никак.

Мадридские новички не понимают, что нефтедобывающие эмираты — лакомый кусок для мафии, ибо нефть — вороток в политику; получив доступ к нефти, можно поднимать ставки, влиять на лобби в конгрессах, парламентах, палатах представителей, получая взамен право вхождения в число избранных. Словом, видимо, надо ждать «битвы за Испанию» — мафия зорко следит за сферами влияния и «просто так» их не отдает: никто не знает, сколько стоил центр Лондона, район Сохо, китайской мафии. Как считает испанская пресса, итальянские мафиози решили уступить Лондон своим китайским коллегам; сделка исчислялась миллиардами, полагают, что китайцы платят двадцать пять процентов от «валового дохода» — как сицилийцам, так и «коза ностре».

И в отличие от мадридских новичков от мафии, которые ныне снабжают товаром и левых и правых, «крестные отцы» китайских тайных обществ в Лондоне и Амстердаме опекают в основном ультралевых — «стратегия раскачки западного общества» в действии...

8

...В Энна я приехал под вечер. «Смотровая площадка Сицилии», так называют этот город, или «сердце острова», или «столица Эрейских гор». В хорошую погоду отсюда видна Этна, а ведь это — возле Катаньи, за добрые две сотни верст. Город словно бы взбегает по огромной скале; ощущение такое, будто возносишься с ним вместе.

Если походить по невероятно красивым ули-

цам, — они так же красивы, как улицы Неаполя или Катаньи, — то поначалу и не поймешь разницы, некоего основополагающего отличия этого города. Но ты обязан настроить себя на Энна, предчувствовать его особость: я убежден, что лишь ожидание нового может родить чудо; человек, который уныл, никогда не ощутит откровения, а ведь не обязательно быть Иоанном, чтобы ощутить это; каждый человек наделен даром, надобно только верить в заданность добра. (А может быть, прав Марк Твен: «Нет зрелища более печального, чем молодой пессимист,— если, конечно же, не считать старого оптимиста»?)

Главное чудо Энны совершенно необычно: в городе тихо. И архитектура такая же, как в Неаполе, и женщины так же красивы (самые, впрочем, красивые — в Риме; красоту их определяет форма рта, она совершенно поразительна, и глаза — длинные, миндалевидные, с сумасшедшинкой), и юноши так же стремительны, но при этом пластичны в движениях, все вроде бы то же, но, бог мой, какая же тишина в этом городе, невероятная для Италии тишина!

И словно стражи этой тишины, которая является слышимым выражением дисциплины, сидят на открытой террасе, возле отеля, откуда открывается вид на Сицилию, старики в черном, неторопливо тянут черно-красное вино, говорят мало, смотрят — при внешней заторможенности — стремительно, как истинные охотники, умеющие бить навзброс, без прицеливания.

Мафия — феодальна по своей сути. Эту ее феодальность определяет несколько даже истеричное поклонение старшему. Наивность рыцарства членов «святого ордена» проявляется и в том, когда режут безвинного человека, веруя на слово: начальник ошибаться не может, на то он и начальник, «лейтенант», а глядишь, и «заместитель капо».

Феодальность мафии, искусно консервируемая верхом в «низших» подразделениях, предполагает убиение в человеке всякого рода эмоций: «тебе поручено пристрелить, похитить, взорвать — делай. Перед всевышним отвечу я». Здесь, в Энна, не

взрывают, не похищают, да и режут-то довольно редко. Все эти аксессуары средневековья перемещаются ныне на север страны, поближе к Милану: там, где теперь промышленность, — там деньги, там есть поле для наживы. Однако необходим камуфляж, нельзя быть вороном среди дятлов, заметят сразу. «Верха» давно подобкатались, вполне добропорядочные люди, похожи на врачей, юристов, бизнесменов средней руки. Как быть с исполнителями? Как переместить их на север, хотя бы на один час, для проведения «операции», но так, чтобы возможные свидетели не определили их сразу же, как сицилийцев, и не столько по загару, сколько по угловатости и т и х о с т и в большом городе? Готовить людей загодя, отправляя в атмосферу города, чуждого их духу, воспитанию, идее? Рискованно.

...Мафия в Сицилии нередко связана с церковью. Италию потряс процесс над святыми отцами из францисканского монастыря Маццарино. На скамье подсудимых сидели восьмидесятилетний монах Кармело, тридцатилетний хранитель монастырских ценностей Агрипино и падре Витторио. Страсти в зале суда были накальными. Святые отцы кивали на монастырского садовника — во всем, мол, виноват он. Свидетели — число их определялось многими десятками — отвечали заученно, не поднимая на судей глаз:

— Ничего не знаю, ничего не помню, никого не видел.

А знали и видели все: когда крестьяне, мелкие ремесленники, торговцы, начавшие дело на свой страх и риск, без обязательного взноса мафиози, приходили в монастырь за помощью, падре Кармело вздыхал:

— Сын мой, я хочу добра тебе, а потому говорю: плати. И м надо платить. Отдай им то, что надлежит отдать.

И тридцать тысяч жителей, что п а л о м н и ч а л и в монастырь, в «духовную столицу» затерянной в сицилийской тишине местности, платили.

Заметьте себе: 30 000 жителей!

Когда молодой полицейский следователь решил п о д к р а с т ь с я к тайне святых отцов через мона-

стырского садовника и послал тому вызов на допрос, сработала цепь: следователь был повешен в собственном доме.

А полицейский участок обстреляли из автоматов: «Не сметь трогать наших!»

Церковь в Сицилии помогает «верхам» держать в узде «низы». Отправляя в город для выполнения специального задания молодого мафиози, с ним говорит не только «лейтенант». С ним говорит и падре. Возвращаясь, он беседует не только с «лейтенантом» — он исповедуется святому отцу.

Закон мафии, «обет молчания», подтвержден также клятвою в церкви. А это — неплохая гарантия для «верха»: преступление не будет раскрыто. Даже если рядовые мафиози попадутся, они и в последнем своем слове скажут так, как им предписано: «Ничего не знаю, ничего не помню, я невиновен».

Полиция сбивается с ног, чтобы найти бандитов, растет число преступлений в Италии, но редко когда удается доказать вину задержанных: свидетелей нет; коли появляются — их убирают; арестованные твердят свое: «Меня оклеветали». И все тут. Вот данные роста террористических акций в Италии: в 1972 году, по свидетельству журналиста Гуидо Каппато, было совершено 700 террористических актов, в 73-м — 800, в 74-м — 1000, в 75-м — 1500, в 76-м — 2300, в 77-м — 3100! За последние годы было совершено более 7000 нападений на штаб-квартиры партий, разрешенных конституцией страны.

Мафия? Не только. Неофашисты и маоисты, «сапоги — пары», действуют по рецептам мафии, при консультации мафиози, учитывая их опыт; к проведению наиболее ответственных терактов привлекаются «консультанты» мафии — связь старых фашистов со старым «верхом» проверена временем, а что может быть лучше этой проверки и надежнее?

Существуют также консультанты иного рода. Это люди ЦРУ. Журналист Гуидо Каппато утверждает, что стратегию террора для Италии разрабатывает Маркус Раскин, генеральный директор «Ин-

ститута изучения политики». Каппато убежден, что именно Раскин занимался созданием исповедующих маоизм «красных бригад» и неофашистских «коричневых групп». (Не тянется ли к нему нитка после злодейского убийства Альдо Моро?)

Бывший начальник отдела «замаскированных организаций» генерал Ярборо публично заявил: «Слепой терроризм» — это тактика, разработанная ЦРУ. Она используется как ключевой элемент различных программ, ставящих целью «дестабилизировать» правительство и убедить население согласиться на создание сильного полицейского государства».

Гуидо Каппато продолжает:

— Раскин создал в Италии три специальных отдела «Института изучения политики». Первый отдел занимается вербовкой террористов и организацией законспирированных групп; второй — планированием и проведением операции; третий, «отдел террора», через пятых лиц нанимает «исполнителей», которые стреляют, режут, взрывают.

Первым отделом, по сведениям того же Каппато, руководит Эдди Гревилз, близкий к «Интерполу». В «Интерполе» он, кстати говоря, занимался проблемой сбыта наркотиков (то есть мафией и Пекином). Люди Гревилза вербовали ультралевых террористов весьма оригинальным способом: проникнув в радикальную студенческую среду, они отлаживали сбыт героина, приручали молодежь, а потом внезапно прекращали поставки смертельного товара. После этого — за понюшку героина — происходит вербовка: наркоман готов на все, лишь бы получить свою дозу допинга.

— Гревилз поддерживает самый тесный контакт с «калабрийской мафией», — настаивает Гуидо Каппато. — Его руководители в «центре» осуществляют постоянную «координирующую» связь с американской «коза ностра». Гревилз преуспел в работе с «калабрийской мафией»: от нее он имеет «наводки», «товар», верные явки, отработанные авиапути, «верных» людей в полиции. Он «благодарит» мафию не только долларами, тем хватает (хотя и не отказываются от «фанеры»), но, главное, навод-

ками на людей: мафия в Италии переориентировалась на похищения, ныне это — наиболее рентабельный и престижный бизнес.

(Обработанные «верхами», принесшие клятву верности святым отцам в церкви, на север, в район промышленного Милана, были переброшены «семьи» Угоне и Гузарти: одну молодежь решили не отпускать, похищение — дело новое, требует надзора стариков).

Похищения отладил один из близких знакомых Гревилза, посаженный ныне Лиджо. Двадцать лет полиция шла за ним по пятам. Он был несколько раз арестован. Последний раз его обвиняли в убийстве «нижнего» мафиози, известного по псевдониму Джулиано. Стало известно, что Джулиано зашатался, прошел слух, что он «завязывает». А Джулиано был исполнителем: на его счету несколько политических убийств — по заданию «верха» он уничтожал прогрессивных левых ораторов и публицистов, за ним тянулся хвост погромов штабквартир левых партий. Если бы Джулиано заговорил — нить могла бы протянуться куда как далеко: не только в Рим, но и за океан. Лиджо устранил своего «сынка». Жаль, конечно, но — надо, дело есть дело, превыше всего неписаный закон. Лиджо был арестован и судим. Он был сурово наказан: семнадцать месяцев тюрьмы за ношение оружия, незарегистрированного в полиции, и оформление сделок по чужому паспорту.

Начальник второго отдела — Эрик Фулбрайт; он живет в Риме «под крышей» бизнесмена.

Третьим отделом ведает Рене Поланский. Работает он отменно: из 1 885 785 уголовных дел полиция не смогла расследовать 1 400 000!!! А каждое из этих дел особое: террористы использовали динамит, в их распоряжении были гоночные автомобили, их ждали авиабилеты на рейсы, отправлявшиеся из Италии через сорок минут после того, как произошел взрыв, щелкнул выстрел или автобус свалился в пропасть. В тех редких случаях, когда не срабатывала цепь, мафиози защищали лучшие адвокаты Италии, гонорары были баснословны.

Итальянские журналисты Пино Буонджорно и

Маурицио де Лука приводят поразительные данные: десятая часть должностей в полиции вакантна, люди боятся служить власти.

В Турине во время процесса над «краснобригадовцами» Гревилза из двадцати шести присяжных в суд пришло только четыре человека — остальные убоялись. Суд был отложен на полгода.

Служба безопасности срочно и безуспешно пытается заполучить 2000 агентов специальной охраны: необходимо (хотя бы формально) обеспечить охрану руководителям конституционных партий, сенаторам и депутатам парламента.

Борьба против спланированной на многие годы вперед преступности, утверждают люди из «отдела внутренней безопасности», сейчас невозможна: «70 000 лир (примерно восемьдесят долларов), которые мы платили информатору Джаннетини (этот Джаннетини был одновременно агентом СИД, контрразведки Италии, и одним из руководителей правых ультра; СИД прикрывал его преступления), — говорят полицейские тем политическим деятелям, которые упрекают их в безынициативности, — вызывают смех у осведомителей. Им всем заткнули рот преступные организации, в том числе и политические, которые, благодаря выкупам, получаемым за похищения, располагают миллиардами!»

А кто начал бизнес похищений? Кто отработал этот бизнес, проверил на деле?

Мафия.

9

В маленький нью-йоркский ресторанчик («лучшая кантонская кухня, лучшее обслуживание, лучшие магнитофонные записи средневековой музыки») я пришел в необеденное время. Для Парижа — это крах; после трех часов во всем городе не получишь ни супа, ни бифштекса — пропустил заветные сто двадцать минут, отпущенные на пережевывание и запивание,— пеняй на себя, «фермэ» — закрыто, хоть ты тресни, и жалобную книгу не попросишь,

смешно, право же, жаловаться хозяину на хозяина, своя рука владыка! В Нью-Йорке ситуация несколько более демократична: разнонациональность города позволяет, пользуясь услугами метро, шастать по районам; где-нибудь у японцев, поляков, евреев или итальянцев (Нью-Йорк действительно живет, как конгломерат нескольких городов; район пуэрториканцев так же разнится от китайских кварталов, как, например, Киото от Торемолинос) наткнешься на ресторанчик, хозяин которого горит синим пламенем,— он тебя и среди ночи обедом накормит, не то что в пять часов.

Итак, я пришел в необеденное время, в китайском ресторане было пусто; великолепная кантонская музыка — скрипка, флейта и тонкий, колокольчатый голос женщины — звучала приглушенно, таинственно, расслабляюще.

Старик в блестящем черном костюме ласково улыбнулся мне, провел в уголок, протянул огромный прейскурант — красная кожа, серебряные иероглифы, очень красиво.

— Рад, что вы навестили нас,— сказал он мне, как своему доброму, старому знакомцу,— милости прошу...

— Спасибо. Я очень люблю вашу кухню.

— Китайская кухня действительно очень хороша, сэр. Что бы вы хотели отведать сегодня?

— Любить-то я вашу кухню люблю, но, увы, не знаю что и как называется.

— Да, действительно,— достойно согласился старик,— некитаец не в силах запомнить все названия: наша кухня насчитывает тысячи блюд.

— Что бы вы посоветовали мне?

— Это зависит от того, что вы любите, сэр. Мясо? Или рыбу? А может, вы предпочитаете вегетарианские блюда? Во всех случаях я бы посоветовал заказать немного бамбука, свинину в нашем южном соусе, ся-сяо, которое мы приготовим для вас на пару; цы-и поможет ускорению всасывания пищи, это позволит вам перед десертом съесть немного сыгян — прекрасная рыба, очень легкая, глубинная, т а ю щ а я.

Старик стоял надо мной согнувшись, и мне было

неудобно, что он так долго стоит, тем более я увидел его башмаки: огромные подошвы, видимо, больны ноги, явная ортопедия.

— Быть может, вы сядете, и я запишу кое-что о ваших блюдах.

— Благодарю вас, сэр, вы очень добры, но это у нас не принято.

— Но ведь сейчас никого нет...

— Действительно, сейчас никого нет, но гости могут прийти в любую минуту, сэр.

— Ну и что? Вы встретите их...

— Действительно, я встречу гостей, но все-таки я буду испытывать неудобство, если сяду за ваш стол, сэр.

— Но ведь и хозяина тоже нет...

— Я — хозяин, сэр,— вздохнул старик,— мне очень приятен ваш интерес к кухне моей родины, но я все-таки постою.

— Мне показалось, что у вас больные ноги...

— Действительно, так может показаться непосвященному, сэр, но у меня вполне здоровые ноги. Дело заключается в том, что я ношу обувь, заказанную в специальной мастерской. У меня ботинки сделаны так, чтобы в емкость над подошвой можно было насыпать землю родины. Китаец должен везде, где бы он ни жил, ходить по китайской земле. Я много путешествую, но я всегда хожу по Китаю, сэр.

Я вспомнил этого старика, прочитав выступление Цяо Гуань-хуа, который до недавнего времени был министром иностранных дел КНР. Вот что он говорил:

— Патриотизм — это не значит, что, приняв другое подданство, можно уже не любить Китай. Взять к примеру, Ян Чжен-пина, который стал гражданином США, но по-прежнему любит Китай. Получая гражданство США, китайские эмигранты приобретают права американских граждан и, используя эти права в наших интересах, смогут вести большую пропагандистскую работу. Пользы от этого будет еще больше. Предположим, что десятки миллионов китайских эмигрантов примут иностранное подданство, продолжая при этом горячо любить свою ро-

дину и активно пропагандировать великие преимущества социалистического Китая. Если один «хуацяо» (так в КНР называют китайцев, живущих за границей) за десять лет проведет работу с десятью местными жителями, а каждый из этих десяти, в свою очередь, займется еще десятком человек, то в итоге это составит сотни миллионов. И независимо от того, будут ли они действовать открыто или тайно, представьте себе, как велика будет их роль в мировой революции?! С винтовкой в руках «хуацяо» будут участвовать в вооруженной борьбе в местах их проживания... Он — гражданин своей страны, и нас не касается вопрос о его намерении участвовать в революции...

Директива маоистского стратега ориентировала всех китайцев, живущих за рубежом; ныне сменившие Цяо Гуань-хуа повторяют тем не менее его слова: «Король умер, да здравствует король!»

(А поле для «ультралевой деятельности» громадно, ибо система капитализма тяжело больна.

Марихуане, ее вторжению в США, пытаются противопоставить медицину: ныне за океаном детские психиатры стали самой растущей частью специалистов — потребность в них огромна. Недавно «Национальный союз встревоженных родителей» сообщил, что самый высокий рост числа беременностей отмечен среди белых девочек моложе 15-летнего возраста. «Институт планирования семьи имени Алена Гутмехера» установил, что в Вашингтоне проституцией начинают заниматься с 12—13 лет. В школах крупных городов повсеместно курят марихуану. Ремонт в результате вандализма в классах,— утверждает Джордж Джонс в журнале «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт»,— обходится налогоплательщикам в 600 000 000 долларов. На учителей ежегодно совершается 70 000 нападений.

Директор «Детского центра» госпиталя Меклин, штат Масачузетс, Питер Залцман сказал недавно:

— Депрессия — это заболевание, которое психиатрия еще десять лет назад не распознавала в детях. Сейчас она выявляется в качестве симптомов: самоубийства, сверхактивность, ипохондрия, преступность.

То же — среди студенчества. Джордж Джонс приводит слова одного из докторов: «В отличие от самоубийств среди пожилых людей, которые вызваны разочарованием в жизни и приближением смерти, самоубийства среди молодых вызваны желанием не дать жизни развернуться. Это депрессия в ее крайнем выражении».

Расчетливый политический план маоистов — помочь поколению раскачаться с помощью повсеместной продажи наркотиков — судя по всему, осуществляется небезуспешно).

Далее, по утверждению Цяо Гуань-хуа, выступавшего в роли «планировщика экспортной революции», «хуацяо», живущие в США, сольются с «революцией в стране, где они живут, или же станут ее руководителями».

Какое же это злодейство — превращать научную доктрину революции в «героино-мао-троцкистский» рецепт «счастья на вывоз», в экспортной упаковке — без указания цены!

Я вспомнил обо всем этом оттого, что возле красивейшего кафедрала Энна остановился огромный туристский автобус. Вылезли дедушки и бабушки — американские путешественники. Защелкали фотокамеры. Среди туристов было три китайца: два старика и молодой парень. Один из стариков, не щелкавший в отличие от других камерой, был в больших башмаках, похожих на ортопедические. Он и в Сицилии ходил по земле Китая.

Туристы отправились осматривать кафедрал, прилаживая к камерам блицы, а этот старик зашел в бар, положил на стойку несколько монет, попросил обменять их на жетоны для телефона-автомата и пошел вниз к туалетам, где обычно установлены аппараты...

10

...Восемь тысяч человек в коричневых гитлеровских униформах — сапоги, галифе, портупея — «служба безопасности», и восемнадцать тысяч чело-

век, составляющих службу охраны порядка (они с гордостью говорят о себе: «Мы — испанские СС, охранные отряды нашей родной партии «Фуэрса нуэва»), образовали каре-соты, в которых на громадной площади Ориенте в Мадриде собралось более 250 000 человек. Возле трибуны, на которой стоял Блас Пиньяр, фюрер испанского фашизма, толпились, замерев в гитлеровском салюте, представители итальянских неофашистских организаций, прилетевшие на официальное торжество — 20 ноября, день испанского фашизма, день былого триумфа Франко. Рядом с ними — делегация чилийской «Патриа и либертад». (Я помнил их по встречам в Сантьяго во времена Альенде. «Какие мы наци?— воспитанно улыбаясь, говорили они мне.— Мы же носим белые рубашки и выступаем за компетентность,— ничего более». Они надели коричневые куртки в ночь пиночетовского переворота и расстреляли всех тех компетентнейших руководителей демократического эксперимента, которые были известны миру своим антифашизмом). Замерли в гитлеровском салюте представители германских неонацистских партий, бельгийские фашисты, гитлеровцы из Уругвая, Парагвая, Гватемалы. Тянул руку Альберто Ройуэла, на которого власти объявили розыск,— участник убийства левых активистов, он сейчас был без парика и грима, а вокруг него стеною стояли семь телохранителей из испанского «гитлерюгенд» — «Фуэрса ховен».

Фюрер Пиньяр приветствовал гостей на немецком, французском, итальянском и английском языках.

Прогрохотало по площади:

— Хайль!!! Зиг хайль!

...Это я видел в ноябре прошлого года. Франко уже умер. Однако над площадью высились транспаранты: «Франко презенте!»— «Франко с нами!» Это очень страшно — живой фашизм.

Мне говорили:

— Это не серьезно, пусть себе, в конце концов, правила демократической игры предполагают свободу для самовыражения.

Я отвечал:

— Если понятием «демократия» не жонглировать, но относиться к нему серьезно, тогда Пиньяра надо арестовать, а его банду разоружить, они же все носят пистолеты и дубинки.

Мне возражали:

— Демократия предполагает свободу слова и мысли.

Я отвечал:

— Не для того мы отдали двадцать миллионов жизней в борьбе против гитлеризма, чтобы младогитлеровцы маршировали по улицам. Это — глумление над памятью мира. И если вы называете право кричать «хайль» проявлением истинной демократии, то я считаю это предательством, хуже того, пособничеством фашизму.

...СС оберштурмбанфюрер Мигель Эскерра сидит под портретом Гитлера. На лацкане — рыцарский крест, врученный ему Гитлером: «Вы, герой «Голубой дивизии», стали знаменем испанской нации в нашей совместной борьбе против большевизма».

У СС оберштурмбанфюрера вполне интеллигентное лицо, добрые глаза, в высшей мере «милая» манера разговора:

— Я плюю на демократию с рассвета и до заката. Мы, истинные национал-социалисты, солдаты Гитлера, еще вернемся к могуществу, поверьте мне, сеньор. Наши ряды в Европе растут. Даже здесь, в Испании, которой ныне правят предатели, наши люди стали во главе «Фуэрсы нуэвы», а вокруг этой партии уже сейчас сплотился миллион, а ведь когда начинал Франко, за ним было три корпуса, сотня тысяч, не более того... Как я отношусь к террору? Что ж, террор есть форма политической борьбы — в нынешней схватке коммунизма и национал-социализма смешно отвергать такого рода инструмент... Как бы сейчас ни подвергали гонениям фюрера «Воинства короля Христова», моего боевого друга по борьбе против красных Мариано Санчеса Ковису, я убежден, что он еще докажет свое: на силу надо отвечать силой, на удар — ударом. Мне пришлось мыкаться по миру после нашей неудачи в сорок пятом (он так и сказал — «наша неудача в со-

рок пятом»!). Я был одним из руководителей генштаба «Антикоммунистического легиона зоны Карибского бассейна», но Трухильо оказался дерьмом и трусом, а наши американские финансисты — чистоплюями. Я дрался против красных в составе вооруженных сил Парагвая, Гаити, Чили...

Партайгеноссе Мигель Эскерра выслушивает вопросы в высшей мере внимательно, отвечает со всей искренностью, лицо его освещает кроткая и ясная улыбка:

— Вы спрашиваете о человеческом идеале? Солдат — нет для меня выше идеала. Искусство? Вы имеете в виду кино? Нет, я не люблю кино, потому что презираю порнографию, сейчас показывают порнографию или коммунистическую пропаганду. Я, однако, смотрю все фильмы на военную тему. Книги? Нет, я читаю только те книги, которые пахнут порохом. Живопись? Не знаю, не знаю. Герой? Адольф Гитлер. Кого я ненавижу? Красных, понятно! Презираю? Евреев. Если мне надо оскорбить врага, я просто называю его евреем.

...Район Мадрида, который называется «Саламанка». Район фешенебельный, самый, пожалуй, дорогой. Кафе «Калифорния» — штаб-квартира «воинов короля Христова», фюрер которых Кависа так дружен с оберштурмбанфюрером Мигелем Эскерра.

«Воины» — молоды, лет двадцать, ухожены, сынки.

— С кем мы сотрудничаем? С ГБИ,— усмехаются они,— с «гарильерос баррачос инконтроладос», так мы называем простачков из «Фуэрса ховен» — «пьяные неконтролируемые партизаны». Плата? Нет, мы — идейные борцы. Некоторым из ГБИ платят, тысяч тридцать песет за акцию.

— Что такое акция?

Они смотрят на меня с интересом.

— Акция — это когда надо отлупить красных.

Наш разговор прервался: вошел пожилой мужчина. «Воины» поднялись из-за стоек — никто из них не пил виски, все тянули соки. Мужчину они приветствовали достойно, сдержанно, торжествующе:

— Хайль Гитлер!

Они ушли с ним вниз, к туалетам. Вернулись минут через пять — все, как один, с сигаретками-самокрутками в зубах. Глаза их светились о с о б о, ноздри побелели, сделались тонкими — дурак не поймет, марихуана. Фашистам нужен допинг, без затяжки марихуаны боязно идти на д е л о. Мафия готова к услугам; ей неважно, кто под чьим портретом сидит — Гитлера ли, Мао, Муссолини,— важно чтобы р а с к а ч и в а л о...

11

В Нью-Йорке, в одном из «старых и ветхих» сорокаэтажных небоскребов, построенных перед началом экономического кризиса, во время «бурных двадцатых», в кабинете директора строительной фирмы был накрыт стол, который отличался типично американским рационализмом: овощи и кусок мяса; на десерт — по-французски (чем Новый Свет хуже Старого?!) — сыры десяти сортов; зато виски и джина — неограниченное количество.

Хозяин стола каламбурил, рассказывал русские анекдоты, сыпал вопросами и ответами «армянского радио», изданными ныне на английском языке, причем такими даже, каких я не слыхивал в Москве.

Обед прошел на славу.

— У вас нет машины?— спросил любезный хозяин, когда мы поднялись.

— У меня нет машины.

— Вы отвечаете, как выпускник Йельского университета...

— Отчего так?

— Йельцы выгадывают время для встречного предложения: повторенный ответ дает выгоду во времени... Я подвезу вас, Джулиан, я еду на встречу с моими компаньонами. В каком отеле вы остановились?

— Я остановился в советском представительстве при ООН.

— Нет, вы явный йелец! Передайте привет Якову Александровичу Малику — он замечательный человек и великолепный дипломат.

— Спасибо. Я это сделаю с удовольствием.

Мы подошли к двери, и здесь к нам пристроился двухметровый верзила с несмываемой улыбкой и быстрыми маленькими глазами. Он открыл дверь лифта, пропустил нас вперед, нажал кнопочку с буквой «л» — «лобби», то есть «вестибюль», и лифт мягко обвалился с тридцатого этажа.

Я чувствовал себя несколько неудобно, оттого что мой хозяин, заявивший себя во время обеда таким воспитанным человеком, не представил нас друг другу: верзила улыбался добро и, как мне казалось, неуверенно.

— Это Пол,— словно бы поняв меня, сказал любезный хозяин.— Он работает в несколько экзотической должности. Он — мой телохранитель.

— Хау ду ю ду.— Верзила протянул огромную руку; на мгновение улыбка сошла с его лица и в глазах появилось особое выражение: так игроки рассматривают лошадей на ипподроме.

Верзила пропустил нас, мы вышли из лифта, но каким-то чудом он оказался впереди; улыбка по-прежнему озаряла его лицо; глаза снова были оловянными — глаза человека, который выборочен в своих наблюдениях, которого не интересует красота женщины или уродство мужчины; он натренирован лишь на движение — резкое, падающее, когда выхватывается пистолет и грохочут выстрелы.

В машине, не смущаясь присутствием верзилы, мой хозяин объяснил:

— Раньше я приглашал телохранителя, когда заключал особо выгодную сделку. Мафия наверняка знала об этом и старалась войти со мною в контакт, чтобы обложить данью. Сейчас люди мафии не ждут выгодных контрактов — они расширяют сферы своего влияния «порайонно», у них, мне сдается, есть карты города, словно в полиции; там постепенно закрашиваются целые районы: «охвачено», «приручено», «прижато». Ныне телохранитель потребен ежедневно, ибо между мафиози началась невероятная драка за лидерство, слишком многих они взяли в кулак, слишком велики барыши, а кто ж откажется от барыша: «если не ты — тогда тебя». Между ними идет драка, и это обязывает их органи-

зацию вести еще более «планомерную» работу по рэкету и шантажу... Как-то, знаете ли, в газетах появились статьи о том, что две компании решили объявить мне войну. На следующий день ко мне пришел господин, похожий на гинеколога, осведомился о здоровье моей кузины — та действительно тяжело болела в Париже, посетовал на ее лечащего врача — а тот и вправду поставил неверный диагноз — ничего работает служба информации, а?!— и, заметив мое нетерпение, сказал: «Сэр, меня уполномочили передать, что ликвидация ваших врагов будет стоить пятьдесят тысяч долларов. Деньги перешлете после того, как люди, посмевшие шельмовать вас, окажутся в морге: мы работаем на доверии».

— Это — серьезно?

— У нас не принято вносить несерьезные предложения... Недавно один мой знакомый закончил карьеру бизнесмена, приняв такое предложение.

— То есть?

— То есть он оказался идиотом. Он попал в ситуацию, подобную моей. Но он вдвое моложе меня и поэтому не научился великому искусству проигрывать... Молодые очень боятся терять. А это глупо: всякая потеря неминуемо компенсируется, мир построен на законах компенсации, иначе нельзя, перекувырнемся... Так вот, он принял предложение мафии, его конкурента шлепнули, но, видимо, мафию перекупили люди убитого, и в прессе началась шумиха. Доказать-то, конечно, ничего нельзя, но бросить пятно, причем пятно несмываемое, можно.

— У вас есть деньги, то есть сила в вашем мире. Неужели вы не можете побудить государство придавить мафию?

Он посмотрел на меня с сожалением.

— Во-первых, у мафии денег несравненно больше, чем у меня, хотя я сто́ю не миллион и даже не десять миллионов, а значительно больше. Во-вторых, истинные главари мафии, от которых тянется цепь вниз, к исполнителям, стоят вместе со мною по воскресеньям в церкви, это уважаемые бизнесмены, и мы дружны домами. Босс Нью-Йорка

Деллакроче, в прошлом наемный исполнитель приговоров, сейчас посещает оперу, наглотавшись «родоксона»», чтобы не уснуть от скуки, а его двойник в это время объезжает город в окружении трех телохранителей и машины сопровождения с телефоном и рацией — игра в выманивание врагов...

Действительно, сейчас в США развернулась кровавая борьба за лидерство в «коза ностра». Звание «босса всех боссов» оспаривают Кармино Галанте, Марчело и Деллакроче. Куш лакомый — драка кровава. Пять лет назад двадцать один «босс» с «заместителями» и «советниками» были угроханы — один за другим, и, что называется, «с концами».

Завладеть титулом «босса всех боссов» — значит стать одним из самых богатых людей мира.

При Гамбино (недавно умершем) мафия взяла под свой контроль печатание и распространение порнографии; на нее теперь работают киностудии, производящие порнофильмы. Мафия перекупила кинотеатры, где крутят эти картины. Мафия получила подряды на строительство новых кинотеатров. Мафия закупила типографии, где печатают открытки и порножурналы. Оборот этого бизнеса равен примерно двум с половиной миллиардам долларов!

Кто, таким образом, втянут в круговерть мафии только в этом бизнесе? Печатники, продавцы книжных магазинов, режиссеры, шоферы, актеры, журналисты, операторы, кинокритики, инженеры-строители, юристы, банкиры, финансирующие строительство,— а сколько ниточек идет от этих людей к сотням других?

Мафия ныне всеми силами старается *влезть* в банки, то есть легализоваться, ибо в условиях капиталистического общества банк является самым главным звеном бизнеса: именно здесь получают кредиты — после того, естественно, как будет выяснена престижность, добропорядочность и кредитоспособность человека, обратившегося за ссудой на расширение «производства». Влезть в банк трудно. Приходится искать обходные пути. Их множество. Расскажу об одном лишь способе, весьма, кстати, примитивном: контрразведка мафии находит

президента или вице-президента банка, который дружен с одним из посетителей игорных домов. Казино — вотчина мафии. Игрока обкладывают, он просаживается в пух и прах. Мафия выдвигает условие «прощения» — вербовка банковского воротилы.

— Что должен сделать мой друг?— спрашивает банкрот.

— Выполнить вашу просьбу.

— Какую именно?

— Вам проиграет мистер Икс...

— Он никогда не проигрывает...

— Он обязательно проиграет вам. Тридцать или пятьдесят тысяч долларов. Так вот, ваш друг должен дать мистеру Икс банковский займ под проигрыш: ведь карточный долг — это долг чести, не так ли? Он ведь обязан вернуть долг, разве нет?

Мистер Икс послушно проигрывает банкроту (понятное дело, Икс является одним из «лейтенантов» мафии) и обращается к подготозленному банкиру. Тот дает займ мистеру Икс — пятьдесят тысяч долларов, сущие пустяки, безделица. Но это лишь первый шаг, это начало втягивания. Мистер Икс передает десять тысяч — за услугу — бывшему банкроту. Остальные деньги идут в казну мафии.

Все кончается тем, что банк, раздав займы, начинает взыскивать деньги с истинно проигравших, а игроки, мафия, уже получили чистоган. Потом, когда президент банка становится соучастником, начинаются операции по превращению «бумаг», то есть «активов», сплошь и рядом фальшивых, в живые деньги. Под «бумаги» — ручательства, рекомендации, заклады — выплачивают миллионы долларов. А уж эти доллары (полученные легально, из банка, это все можно проверить, это не торговля наркотиками) пускают на приобретение компаний «законного бизнеса».

Сие — лишь один из способов прорастания.

Взятка — рычаг мафии; это другой способ.

Недавно нью-йоркский «Кемикл бэнк» был оштрафован на двести пятьдесят тысяч долларов за то, что утаил от властей денежные сделки на несколько десятков миллионов долларов. Руководство

банка представило документы о том, что «Совет наблюдателей» ничего об этом не знал — все было решено на «нижних» этажах; кто-то из клерков получил взятку и провел деньги по счетам, придав, таким образом, законность деньгам мафии. Кто из сошек прокрутил эту операцию, до сих пор не выяснено.

Итак, банк благословил — фирма создана.

Однако пробиться новой фирме трудно — конкуренция невероятна. Тогда босс отдает приказ «заместителю», тот спускает указание «лейтенантам», а уж те отправляют на дело гангстеров. В ход идут шантаж, угрозы, убийства — если не получается миром. «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт» считает, что «по меньшей мере две главные авиакомпании и крупнейшая в стране транспортная фирма поддались давлению рэкетиров в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди и согласились иметь дело с теми поставщиками, которые были одобрены «синдикатом», то есть мафией». Созданная гангстерами фирма, таким образом, получает наибольшее благоприятствие, деньги текут рекою в бронированные золотохранилища «коза ностры».

Журнал «Тайм» утверждает, что «никто, кроме членов тесно сплоченной группы, не знает, каков действительный размах операций, но по предположениям органов прокуратуры, валовый доход мафии составляет по меньшей мере 48 миллиардов долларов в год!!! Чистый же доход, не облагаемый налогом, составляет невероятную сумму в 25 миллиардов. Для сравнения: крупнейшая промышленная корпорация США «ЭКСОН» сообщила, что в 1976 году продала на 51 миллиард продукции, а ее чистый доход составил 2,6 миллиарда долларов».

В корпорации «ЭКСОН» служат десятки тысяч рабочих, инженеров, шоферов, техников; сотни тысяч работают на эту компанию опосредованно, через дочерние фирмы.

А мафия в Америке состоит не более чем из пяти тысяч членов. В Нью-Йорке сейчас работает пять «семей»: членство каждой — от 20 до 1000.

Структуру установил «босс всех боссов» американской мафии Сальваторе Маранцано. Он «воспитал» целую плеяду учеников, он ставил на них, особенно любил Вито Дженовезе и Чарлза Лучиано, называл «сынками», выделял среди остальных; чтобы способствовать их росту, принял решение об устранении по крайней мере десяти других мафиози. Когда он поднял их почти до своего уровня, люди Дженовезе и Лучиано пристрелили «босса всех боссов». Мотивировка убийства была вполне научной: «Хоть у дона Сальваторе множество заслуг перед мафией, хоть он был добрым, умным и волевым боссом, но сейчас, в эпоху, которая наступает, после окончания «великого кризиса», он не сможет переориентироваться — стар, а это такой недостаток, который нельзя исправить. Пусть лучше он уйдет, мы продолжим его дело в новых обстоятельствах».

Похороны были устроены королевские, рыдали все, особенно неутешно — «сынки», отправившие своего «крестного отца» на кладбище.

Однако ни Дженовезе, ни Лучиано не стали боссами — рано, выдержка прежде всего. На первый план были выведены другие, надо учитывать сложность отношений между двумя кланами «коза ностры» · ~ существовала группа Джузеппе Массериа, и хотя его убили люди Маранцано в апреле тридцать первого, влияние этой «семьи» было по-прежнему в высшей мере сильным. Произошла передислокация сил: Дженовезе и Лучиано взяли под контроль людей покойного Массериа. Но лишь после того, как умерли или были убиты Филипе и Винсенте Монгано, Сальваторе Лусанио, Франк Скаузе, только после того, как Луки-Лучиано угробили в Неаполе, его «побратим» Вито Дженовезе стал «боссом всех боссов». Он шел к этому посту по трупам многие годы, но умер в тюрьме, просчитавшись на мелочи, и снова началась свара, и к власти пришел Карло Гамбино, но он умер, успел умереть, говоря точнее, и сейчас за место «босса всех боссов» дерется Кармино Галанте, по кличке «Маленькая сигара», бывший «заместитель патрона» из группы Маранцано, а противостоит ему

Анджело Деллакроче; им обоим за шестьдесят. Пока что в мафии ставят на Деллакроче: он просидел в тюрьме всего шесть лет, а привлекался тринадцать раз, но каждый раз уходил.

Галанте провел в тюрьме более четверти века, он хорош, как третейский судья, законник, но в бизнесе не очень, замашки не современны, сегодня надо быть джентльменом и учить французский, сегодня надо говорить про НТР и цитировать древнегреческих философов, а этот вытирает ладонью подбородок после того, как натрескается спагетти по-неаполитански.

Однако, как считают наиболее опытные наблюдатели, к власти придет третий человек; так всегда бывает в борьбе за лидерство. Это Джеймс Торелло из Чикаго. Он — представитель новой мафии, ему еще нет пятидесяти; очень тих, улыбчив, незаметен. Телохранителей, которые ходят по пятам, не терпит. Сам водит автомобиль, но никогда не вставляет ключ в зажигание — только дистанционное устройство: Торелло слишком хорошо знает, как надо устанавливать в автомобилях бомбы, которые взрываются от поворота ключа,— в начале своей карьеры пришлось поработать «исполнителем», иначе веры не будет, какая чистюлям вера?!

Сейчас этот добропорядочный отец семейства каждое воскресенье посещает церковь, много жертвует святым отцам, играет в теннис, очень мало пьет, по утрам сам выжимает себе соки, увлекся бегом — надо быть в форме, надо пережить остальных. Полгода назад возникла любопытная ситуация: один из профсоюзных лидеров решил рвать с мафией. Подобрали нового кандидата, из послушных. Со старым надо было кончать, но без лишнего шума и затрат. Торелло, как пишут американские репортеры, выстроил план: профсоюзный лидер получает приглашение провести «уик-энд на берегу океана» с семьями. Пока жены плавают в бассейне, а дети играют в бадминтон, Торелло ведет лидера на свой катер, вывозит в море, там перерезает ему горло, выливает кровь в море — акулы сразу же чувствуют человечинку. После этого труп профсоюзника скармливается акулам.

Никаких улик, упал в море, бедный, бедный, ничего, родных мы не оставим, мы не бросаем в несчастье вдов и детей трагично погибших друзей!

...Торелло поворачивает свои «семьи» к захвату предприятий и магазинов первейшей необходимости: считают, что большинство кладбищ, гробовых мастерских, фабрик по производству детских колясок, пеленок и искусственного питания перешли в руки Торелло: «Мы должны быть там, где в нас нуждаются более всего» — таков его новый лозунг. Рождение человека обслуживается мафией; юность тоже — с помощью наркотиков и порнографии; для степенных — игорные дома и проститутки, а там, глядишь, пора в ящик — мафия провожает гражданина США в последний путь. Неплохая схема, а?! Если бы только схема — сама жизнь...

12

...Декабрь шестьдесят девятого года был в Италии теплым, хотя часто дождило, особенно на севере. В Милане тот день был солнечный, чистый, несмотря на то, что бюро прогнозов обещало осадки и ветер, возможно сильный.

Когда в городе загрохотало, многие подумали, что служба прогнозов накаркала шквал. Однако шквала не было. В «Аграрном банке», что на площади Фонтана, грохнула бомба. Площадь оцепила полиция: санитарные машины неслись по улицам, рев их сирен был душераздирающим. Машин не хватало — сто человек было ранено, четырнадцать убито.

В городе был объявлен траур; то здесь, то там собирались митинги. Говорили об одном: «за преступлением — рука неофашистов».

Вечерние газеты, однако, вышли с огромными шапками: «Злодейство левых бандитов». Не было сказано «ультралевых», подчеркивалось: «левых». Так легче забить в пеналы людских восприятий, так надежнее, без всяких там «ультра».

Вскоре была арестована организация анархистов.

Своими экстремистскими выходками, безответственными фразами анархисты давали, конечно же, повод к обвинению, хотя на вопрос о взрыве на площади Фонтана — «кому это выгодно» — можно было ответить сразу: «правым ультра».

Три года анархистов допрашивали, пытались ловить на мелочах, ставили силки; сулили, упрашивали, угрожали. Один из арестованных был найден в камере холодным, недвижимым — самоубийство. Ой ли?

Три года Италия жила «двуслойно»: один «слой», официальный, правый, центристский, доказывал через свои органы печати вину «красных»; левые, большинство народа, были убеждены в том, что взрыв в Милане — дело рук фашистских ультра.

То, что пока еще невозможно в Америке, оказалось возможным в Италии: прогрессивная общественность, в первую очередь, понятно, коммунисты потребовали ответа у правительства:

— Три года следствия, три года шельмования левых под видом исследования фразеологической шелухи анархизма,— хватит, выполняйте законы, вами же писанные.

Группа анархистов была освобождена. Одновременно с этим правительству пришлось пошевелиться: было выдвинуто обвинение банде неофашистов — Джованни Вентуре, принцу Боргезе, Джаннетини и Франко Фреде, по кличке «Зиг хайль», осуществлявшему связь с мафиози.

Схваченные неофашисты молчали о мафии, но немедленно закладывали представителей власти; видимо, это входило в их стратегический план — компрометировать правительство, чтобы доказать: наступило время «железной руки», необходим приход «компетентного и бескомпромиссного» кабинета. Поэтому, как только были предъявлены обвинения правым ультра, неофашисты сразу же продали своих коллег из военной разведки:

— Нашим человеком в СИД был генерал Малетти, он несет главную ответственность за случившееся.

Генерал Малетти был немедленно уволен, с него

сорвали погоны, лишили возможной пенсии и вызвали в суд.

— Я не несу ответственность за действия неофашистской группы, ибо я лишь выполнял приказ правительства. Мне было приказано не сообщать суду никаких компрометирующих данных о Джаннетини, одном из основных деятелей неофашистской группировки, поскольку он одновременно был агентом СИД. (Помните Джаннетини? Осведомителя, получавшего 70 000 лир от полиции?)

— Кто дал вам такого рода приказ, генерал?

— Румор, бывший в то время председателем кабинета министров, бывший министр обороны Танасс и бывший министр внутренних дел Тавиани.

Скандал продолжается, однако ни о д и н из неофашистов до сих пор не осужден. Называют имена министров и генералов; руководитель СИД Мичелли может в любой момент превратиться из свидетеля в обвиняемого; плохо спит и бывший начальник генерального штаба Хенке: он в свое время выступил против передачи данных о фашистах, являвшихся одновременно агентами правительственной СИД. Однако об одной организации суд не получил никаких данных — о мафии, связанной с неофашистом «Франко» самым тесным образом. Мафия научила людей бояться себя: с л о в о карается смертью.

Страх вдавлен, в п е ч а т а н в сознание тех, кто связан с мафией. Страх постоянный, неосознанный, параноический, сказал бы я.

(Сдается мне, что уход в отставку министра внутренних дел Италии после убийства Альдо Моро тоже продиктован страхом перед террористами, «сработавшими» политическое преступление по законам мафии).

...Весной 1962 года за торговлю героином был арестован Джо Валаки, известный в «коза ностра» под кличкой «Каго», верный «рядовой» «лейтенанта» Тони Бендера, любимца Дженовезе.

Когда Джо Валаки осудили, полиция отправила его на отсидку в тюрьму Атланты, в ту же самую камеру, где сидел «босс всех боссов» Дженовезе. В тюрьме дону Вито были созданы идеальные усло-

вия, питание готовил повар, знающий вкусы дона Вито, а в банные дни специальный массажист разминал тело босса, прежде чем передать его в руки парикмахера и педикюрщика. Арестанты, желавшие поговорить с доном Вито, записывались у его окружения на прием, аудиенция продолжалась не более десяти минут, вопрос должен быть подготовленным, никакой лирики, только дело.

Однажды дон Вито походя спросил Джо Валаки, как тот относится к Тони Бендеру, выпущенному на поруки.

— По-моему, Бендер — прекрасный человек,— ответил Джо.

Он не знал, что Бендер был только что убит по приказанию дона Вита: тот решил, что «сынок» утаивает от него свои прибыли.

Дженовезе вздохнул, улыбнулся чему-то и заметил:

— Когда в корзине с нежно-розовыми яблоками появляется одно битое, а еще хуже — с червоточиной, необходимо безжалостно выбросить это яблоко, ты согласен, а?

Джо Валаки посмотрел в ласково улыбающиеся глаза «крестного отца», и ужас родился в нем — «меня подозревают!».

— Если я хоть раз согрешил в чем-то,— сказал Джо,— и у тебя есть доказательства моей вины, дай мне пилюлю, я приму ее у тебя на глазах: я не боюсь смерти, но не перенесу позора.

— О чем ты, сынок?— по-прежнему ласково улыбнулся Дженовезе.— Ты меня, видимо, совершенно неверно понял. Давай я расцелую тебя — в знак моей к тебе веры. У нас с тобой за плечами общая жизнь, разве можно отрекаться от прошлого? От прошлого отрекаются лишь безумцы или те, которые решили п о д р у ж и т ь с я с нелюдями. Но разве ты можешь пойти на такое?

Дон Вито поцеловал Джо в лоб, поцеловал нежным поцелуем старшего брата.

И после этого поцелуя вся «гвардия» Дженовезе стала смотреть на Джо Валаки, как на прокаженного: его открыто подозревали в измене, потому что все знали, сколько за ним убийств, все знали,

сколько за ним похищений, но он — в отличие от дона Вито — срок получил маленький, а боссу вкатили пятнадцать лет.

Джо Валаки, верный мафиози, тяжело переживал это страшное подозрение. Он лишился сна. Перестал есть — боялся яда.

Все кончилось тем, что во время прогулки он схватил кусок металлической трубы и грохнул по голове мелкого жулика Страупа — ему показалось, что тот крался за ним с ножом.

Джо ждал электрический стул: Страуп умер, не приходя в сознание.

И тогда-то Джо Валаки и обратился к тюремному начальству с предложением:

— Переведите меня от Дженовезе — я готов на сотрудничество.

Через несколько месяцев в тюрьму Вестчестер был этапирован арестант Джозеф Ди Марко — такой именно псевдоним был присвоен новообращенному агенту ФБР Джо Валаки.

По поручению министра юстиции Роберта Кеннеди с ним работал Джон Флинн, восходящая звезда уголовного сыска.

Джо Валаки рассказывал про себя все. Он ни слова не говорил о «коза ностра». Джон Флинн делал вид, что ему в высшей мере интересны показания Ди Марко. Он угощал его сухой колбасой и мягким овечьим сыром: Ди Марко больше всего на свете любил именно эту еду. Он расслабился, спал в одиночке спокойно, «фараон» больше не казался ему таким отвратительным: «среди них тоже встречаются люди».

Как-то раз Джон Флинн, размягчив арестанта, ударил в лоб:

— Джо, то, что ты мне рассказываешь, известно нам уже много лет. Не считай нас дурачками, Джо. Ты нас интересуешь постольку, поскольку мы верим: ты назовешь нам все имена, откроешь явки и дашь подходы...

— К чему?

— Джо, тебе сохранил жизнь министр юстиции Роберт Кеннеди не для того, чтобы ты рассказывал мне сюжеты детективных фильмов. Тебе сохрани-

ли жизнь для того, чтобы ты помог нам разгромить «коза ностру».

— «Коза ностра»... Вы никогда не разгромите «коза ностру», потому что это — второе правительство Америки, сэр. Вы ничего не сможете сделать с Синдикатом. Что вы сделаете с Джо Бонано? Он ведь — формально — руководитель фирмы по торговле недвижимостью. А на самом деле — босс Нью-Йорка. Что вы сделаете с Джозефом Профачи? За ним почти весь импорт оливкового масла, вы ведь так любите оливковое масло, помогает от атеросклероза и все такое прочее. А Профачи — «второй босс» Нью-Йорка. Что вы можете сделать с Карло Гамбино? Он — главный консультант Синдиката, он не з а в я з а н ни в чем, хотя без его совета ничего не делают наши люди. А Томас Лукезе? Он — владелец крупнейших предприятий по пошиву одежды и — одновременно — босс Нью-Йорка. А Вито Дженовезе? Он сидит в Атланте, но ведь каждую неделю получает отчет о работе «коза ностры» и дает указания своим людям по важнейшим вопросам с т р а т е г и и Синдиката... Что вы сможете сделать с ними, сэр?

— Для того чтобы с д е л а т ь, надо знать, Джо. Ты нам поможешь узнать. Все. До самого конца.

— Ответьте мне на один лишь вопрос, сэр. Только ответьте мне правду — Луки-Лучиано был агентом ФБР?

Вопрос застал Флинна врасплох — о с о б ы е отношения Лучиано с секретными службами были «тайной тайн» и ЦРУ и ФБР.

— Вот видите,— продолжал между тем Джо Валаки, ставший отныне Ди Марко.— С вами был Лучиано, «босс боссов», а вы не смогли убить «коза ностру». Или вам не позволили это сделать? Роберт Кеннеди — сильный человек, все-таки брат президента, но и он не всемогущ в этой стране. А если он станет упорствовать в своей вражде, его ударят, и ударят больно — поверьте мне.

Вся родня отреклась от Джо Валаки, когда из тюрьмы в Атланте пришел с и г н а л от дона Вито Дженовезе. Дети публично прокляли отца, жена по-

требовала развода, родственники выдвинули версию, что Джо сошел с ума.

Джо Валаки умер в тюрьме от внезапной и странной болезни.

— Так будет с каждым изменником,— говорили среди людей «коза ностры», когда сообщение о его смерти появилось в газетах.— Рано или поздно его настигнет наша всепроникающая кара. Никто не умрет своей смертью, никто, даже в одиночной камере, где стоит цветной телевизор и мягкая кровать.

13

...Возвращаясь к «вражде» мафии и фашизма, стоит привести ряд постулатов, которые словно бы специально сформулированы для практической «деятельности» ордена преступников.

Постулат первый — об отношении к профсоюзам (через них мафия работает):

«Национал-социалистские профсоюзы отнюдь не должны являться органами классовой борьбы, а только органами профессионального представительства. Национал-социалистское государство не знает классов.

Дух классовой борьбы свойственен не профсоюзам, как таковым, а свойственен только марксизму, который сумел сделать из профсоюзов орудие своей классовой борьбы».

Постулат второй относится к «воспитательной работе» мафии, к тому, как надо готовить гангстеров, как воспитывать в них ненависть к культуре, слепое поклонение «устному» приказу.

«Широкие массы народа подчиняются прежде всего только силе устного слова. Кто лишен страстности, у кого уста сомкнуты, тот не избран вестником воли. Человеку, который является только писателем, можно сказать: «сиди за столом со своей чернильницей и занимайся теоретической деятельностью, если только у тебя имеются для этого соответствующие способности. Вождем ты не рожден и не избран».

Постулат третий: об отношении мафии к людям,

к «толпе», «быдлу», «стаду», именуемому порой более мягко — «масса».

«Психика широких масс совершенно не восприимчива к слабому и половинчатому. Душевное восприятие женщин менее доступно аргументу абстрактного разума, чем не поддающимся определению инстинктам, стремлению к дополняющей ее силе. Женщина гораздо охотнее покорится сильному, чем сама станет покорять себе слабого. Да и масса больше любит властелина, чем того, кто у нее чего-либо просит. Масса чувствует себя более удовлетворенной таким учением, которое не терпит рядом с собой никакого другого, нежели допущением различных либеральных вольностей. Большею частью масса не знает, что ей делать с либеральными свободами, и даже чувствует себя при этом покинутой».

(Автором этих «постулатов», столь точно прилагаемых к правым вообще и к мафии в частности, был Гитлер. Хороший у маоистов союзник, а? Попробуй найти другого для ведения «героиновой войны» и террора?!)

...Ни в Палермо, ни в Термини я не нашел ночлега: цены на отели здесь очень высоки.

— Поезжайте в Сефалу,— посоветовали мне,— это красивый городок, старинный, прямо на берегу, там есть несколько отелей разных категорий.

И я поехал в Сефалу.

Возле бензозаправки остановился, решил подзалить двадцать литров. Вообще-то на Западе заливают пять-десять — бензозаправки на каждом шагу, а бензин дорог, зачем зря тратиться, выветрится еще два-три литра, а это — деньги, и немалые. Я же, приученный к нашим громадным пространствам и сугубо малым количествам бензоколонок, заливался под завязку; люди смотрели на меня, выпучив глаза, особенно когда из бака выплескивался бензин — здесь сцеживают до капли, словно кондитеры, украшающие воскресный торт дорогим кремом.

Задний левый баллон моего «фиатика» чуть подспустил. Я открыл багажник — решил посмотреть,

где инструмент. Багажник легко поднялся, а я обомлел: ни баллона, ни инструмента не было.

Я сразу вспомнил, как в позапрошлом году возвращался из Испании через Францию и как в Провансе у меня полетел баллон на маленькой дороге местного значения,— приходилось высчитывать каждый франк, конец путешествия, а проезд по автостраде здесь дорог, время ценится высоко, выезжая на четырехрядную дорогу ты можешь развивать скорость до ста семидесяти километров (коли позволяет мощность двигателя), на узеньких же, бесплатных дорогах максимальная скорость — шестьдесят километров. Темень была, хоть глаз выколи. Трещали цикады, как у нас на юге, ветер был соленым, угадывалось близкое море.

На страдах то и дело торчат телефоны «автосос»: позвони — через полчаса приедет техпомощь. Другое дело — сдерут с тебя за эту помощь три шкуры, но помощь окажут квалифицированную; ничего не попишешь — за комфорт надо платить. Здесь же, в тихой и темной французской провинции, не то что «автососов» — ни огонька не было. Менять баллон в темноте — дело не из легких. Спасибо покойному отцу: он посадил меня за руль в Берлине, в сорок пятом, и был это маленький «оппель-кадет», и я тогда впервые испытал ощущение подчиненности скорости, и это прекрасное ощущение, а потом отец и его друг комбриг Лесин учили меня менять баллоны, и заставляли это делать ночью, без света. (Хотя гитлеризм был сломлен, солдаты не могли свыкнуться с солнцем и тишиною — война куда как п р о т я ж е н н е е в памяти, чем мир).

Я поменял баллон, запасной камеры у меня не было, и поэтому ехал по темной тихой деревенской дороге в Марсель с особой осторожностью, будто босой шел по траве, возле строительной площадки, где всегда валяются куски дерева с торчащими гвоздями.

В Марсель я добрался поздно ночью, посмотрел цены на баллон и почесал в затылке: денег явно не хватало.

Утром купил подержанный — за восемьдесят франков.

Сейчас, возле Сефалу, я немедленно просчитал в уме, сколько придется платить за отсутствующий баллон (еще один предметный урок на будущее,— надо ж было осмотреть машину, когда получал ее в Сиракузах!), соотнес приблизительную цену с оставшимися у меня деньгами и почувствовал, как на лбу выступил пот — могло не хватить. Поглядел на свой походный хурджин, вспомнил про диктофончик — придется, видимо, расстаться.

В Сефалу поэтому я приехал в настроении сугубо подавленном, и как ни заставлял себя настроиться на город, который славился, да и поныне славится своими «морскими мафиози», ничего путного у меня не получалось: неприятная мысль, особенно о завтрашнем дне, подобно гвоздю в ботинке — постоянна.

Места в отеле я и здесь не нашел, посоветовали поискать в районе Финале. Я нашел там три гостиницы: одна была на самом берегу, номер стоил 60 000 лир; вторая — в ста метрах от моря: стоимость номера — 35 000; в придорожной, правда, без кондиционера, «койку» можно было получить за 20 000, это куда еще ни шло.

Если бы это была моя первая заграпоездка или даже пятая, я бы наверняка остановился во второй гостинице и вынужден был лишить себя ужина и завтрашнего обеда для «выравнивания бюджета», но опыт — великая штука: я знал теперь, что цены здесь «прыгающие», что здесь надо быть жестким в своих условиях, что здесь тебя изначально хотят надуть, ибо хозяина никто не контролирует, своя рука владыка, а туристов — из-за экономического кризиса — все меньше и меньше, поэтому каждому человеку здесь рады и норовят сорвать с него поболее, особенно коли иностранец, и тебе надо проявлять твердость, решительно уходить, заметив, что номер «вери икспенсив», тогда тебя окликнут и начнут говорить, что «овес ноне дорог», но ты не должен поддаваться этому — неумолимость и рассеянность; хозяин в конце концов шепнет, что вы ему очень понравились, и что он благоговеет перед путешественниками, и что только поэтому он даст вам «спешиал прайз», и что он попросит вас

за это раздать знакомым визитные карточки его отеля и порекомендовать им останавливаться только здесь.

Словом, я поселился в придорожном отельчике и мог поэтому позволить себе спуститься в «пиццерию» и заказать самую дешевую, но — при этом — самую вкусную еду Италии: «пиццу по-неаполитански», очень похожую на наши батумские хачапури, только без яйца, но зато с помидорами.

В «пиццерии» был накрыт только один стол, все остальные пустовали. За этим большим столом сидело пятеро взрослых — двое мужчин и трое женщин, да дюжина детей, мал мала меньше, невероятно симпатичных, шумных и смешливых итальянчиков. Дети бегали по «пиццерии», женщины без умолку болтали, успевая при этом стремительно вязать, а мужчины не отрывали глаз от газет.

Тринадцатилетний мальчуган-официант, заглянув через плечо мужчин, шепнул что-то повару, который выпекал пиццу в большой печи, похожей на волшебную, какие снимал в своих фильмах покойный Александр Роу. Вытерев руки о длинный белый халат, повар снял высокую шапочку, подошел к мужчинам и тоже уткнулся в газету, пока ему не закричали что-то поварята, стоявшие у печки, — горела, судя по всему, моя пицца.

Когда компания ушла из-за стола, газеты остались — тяжело таскать, двадцать страниц как-никак. Я поднялся, посмотрел заголовок: «Сенсация Джузеппе Пери, комиссара полиции». По-итальянски я не читаю, но если знаешь английский, чуть помнишь немецкий, учишь испанский (и совсем, к стыду, позабыл два любимых своих языка: пушту — афганский и фарси — персидский), то понять смысл — в общих, конечно же, чертах — можно. Речь шла о разоблачении группы мафиози, связанных с фашистами. Я записал фамилию полицейского комиссара в блокнот, съел чуть подгоревшую пиццу и завалился спать: после вкуснотищи по-неаполитански кошмар завтрашней расплаты за доверчивое головотяпство человека, привыкшего полагаться на престиж организации, полагая ее

государственной, то есть в высшей мере ответственной, не был столь острым, как час назад.

(«Авось вывезет» — все-таки это прекрасно, согласитесь...)

Позже, осенью, в Москве уж, я получил материалы, опубликованные итальянским «Эуропео» о комиссаре Пери. Материал этот настолько интересен, что стоит о нем рассказать подробно.

Журналист Роберто Кьоди, раскопавший дотошливого комиссара, утверждает, что связь между «неофашистами, мафиози и гангстерами не вызывает у Пери никакого сомнения».

Сейчас Пери расследует четыре дела — внешне вроде бы разрозненных, но, как он полагает, внутренне связанных воедино.

Среди прочих имен Пери весьма внимательно изучает личность Пьетро Луиджи Конкутелли — мафиози, передислоцированного боссами на север Италии. Он был арестован в феврале 1976 года в Риме; в той комнате, где на него набросились агенты полиции, было найдено 11 000 000 лир, переданных ему мафиози Ренато Валланцаска: выкуп за синьору Трапаньи, похищенную по приказанию штаба. Цепочка потянулась к неофашисту Плачидо Морганте, который — дабы еще более напугать похищенного Луппино — отрезал у него ухо: «если не внесут денег, я изрежу тебя на куски».

Коммиссар Пери настаивает на том, что именно Конкутелли застрелил судью Оккорсио и генерального прокурора города Палермо Пьетро Скальоне. Он настаивает на этом, потому что неподалеку от места убийства было обнаружено тридцать гильз, калибра 9/38; ровно шестьдесят патронов такого же калибра нашли в машине, которую использовали для похищения банкира Корлео, а в тайной квартире Конкутелли изъяли 339 патронов такого же калибра, инструкцию штаба вооруженных сил о том, как обращаться со взрывчаткою и два незаполненных удостоверения министерства обороны Италии — с печатями и подписями.

Четыре уголовных дела, которыми занимается комиссар прежде всех других, следующие: убийство судейских чиновников; катастрофа авиалайнера ДС-9 в горах Сицилии, на глазах толпы, собравшейся на предвыборный митинг возле Палермо; четыре дерзких похищения; серия бандитских налетов на западном побережье Сицилии.

«Эуропео» подчеркивает: «Это все звенья одной цепи заговоров, цель которых — вызвать беспокойство у общественности, дискредитировать государственные власти и воспользоваться создавшимся хаосом для того, чтобы навязать свою преступную идеологию. Не случайно многие из этих преступлений совершены в преддверии выборов при поддержке определенной части мафии, которая из-за «раскачивания» власти останется лишь в выигрыше».

(Полное смыкание интересов неофашистов и маоистов, замкнутых с двух сторон — на мафии!)

Комиссар Пери исследовал технику организации похищений, которые проводятся, чтобы финансировать движение фашистских организаций.

Похищения, как и политические убийства, тщательно спланированы; более того, они отрепетированы, причем неоднократно.

Первый этап: сам процесс похищения — наиболее рискованная часть операции — поручается мафиози, живущим в том же районе, что и жертва. То есть исполнителей выводят на первый план: «смотрите, вот они — злодеи, знаем мы этих мерзавцев, больше искать некого!»

(Давайте вспомним, как в случае с убийством Кеннеди на первый план выводили Освальда, который «жил» в Москве, и ультраправого банкира Ханта. И то и другое аккуратно и точно делал «солдат героиновой войны» Руби).

Второй этап: если следствие не удастся повернуть в русло очевидного, того, что лежит на поверхности, дабы отвести закон от поисков истинных преступников, от штаба, который планирует и знает во имя чего он это планирует, тогда наступает пора «расплаты», властям отдают мелюзгу. Исполнители — мелкие сошки; ими можно распла-

ться — на них и выводят полицию. Сошки не опасны — они ничего не знают, они ничего не смогут открыть: цепь, связывающая штаб и исполнителя,— многоэтажна и заблокирована связями преступного мира с полицией через информаторов, внедренных в аппарат, но служащих боссам.

История со взрывом самолета ДС-9 — еще одно свидетельство того, как отдают сошек. В самолете «Алиталии» находилось 118 пассажиров. Один из них (видимо, исполнитель) опознан не был. Остальные трупы, хоть и разорванные на куски, что является следствием взрыва в самолете, были установлены, прилетели родные, получили урны; и лишь одна урна оказалась бесхозной. Тот, кто держал «посылочку» в саквояже, переданном ему на аэродроме, и мысли не имел, что везет он взрывчатку и что механизм замедленного действия сработает в самом конце рейса, когда горы родной Сицилии будут медленно и величаво проплывать под самым крылом самолета...

Пери подчеркивает в своем анализе: «В случае неисправности бортовых приборов у пилота есть несколько секунд на то, чтобы подать сигнал на землю работникам по обеспечению полета и контролю за ним; в этом случае остается запись в «черном ящике»; однако пилот ничего не сообщил — значит, у него и секунды не было: взрыв, глухая тишина и — все»...

(Замечу, что до сих пор никем не исследовано и еще одно немаловажное обстоятельство: на борту авиалайнера находился Иньяцо Алькамо, заместитель генерального прокурора в апелляционном суде Палермо. Какие дела находились в его ведении? Сколько людей, связанных с мафией, ждали вызова в его кабинет? Какого уровня были те люди?)

Правые ультра — неофашизм и мафия, объединенные единством выгоды, наносят чувствительные удары ныне; ставки необычайно высоки. Судите сами: застрелен Скальоне, генеральный прокурор Палермо. Расследование этого убийства (первого такого рода по своей наглости) было поручено ге-

неральному прокурору Генуи Франческо Коко.

Прокурора Коко застрелили — двое его охранников также были изрешечены очередями. Это случилось после того, как Коко встретился с судьей Оккорсио в Риме: между ними произошел обмен мнениями, в высшей мере важный.

Следом за Коко настала очередь судьи Оккорсио.

Комиссар Пери заключает: «Штаб-квартира в Риме, куда вели все нити черного заговора, действовала активно, но осталась вне подозрений. Существовала и существует мощная организация, занимающаяся, в частности, организацией похищений. (За Марьяно было получено 280 000 000 лир; за банкира Перфетти — 2 000 000 000 лир; за промышленника Кампизи — 700 000 000 лир). Идейных организаторов надо искать в политических кругах, которые находятся вне подозрения. Оружие, снаряжение, военные инструкции, найденные у Конкутелли, со всей ясностью вскрывают главную цель главарей организации, которые не побрезговали воспользоваться могущественной поддержкой сицилийской и калабрийской мафии...»

Все возвращается на круги своя: пакт фашизм — мафия, о невозможности которого так много пишет правая пресса, очевиден. Мы уже говорили, что такого рода пакт лишь внешне был невозможен, когда фашизм возглавлял Муссолини; он на самом-то деле существовал, ибо хоть личность Муссолини и определяла в чем-то систему фашизма, но ведь не глубинно, говоря иначе, не социально, а лишь поверхностно. Очевидна и та выгода, которую получают от «раскачки» Запада героином и террором пекинские стратеги «экспортной революции».

Стоит, видимо, тщательно проанализировать (хоть это чертовски трудно, «открытое общество» умеет хранить свои секреты) сдвиги в экономической структуре: без и вне экономических потрясений фашизм, как высшее проявление национализма, практически невозможен, ибо невыгоден капиталу. Он становится выгоден лишь в критической ситуации, я бы сказал, в ситуации альтернативной:

либо победа левых сил, либо выдвижение правых ультра, которые могут удержать. Разве не так рассчитывали Гитлера всякого рода Тиссены и Круппы в трудную годину экономического кризиса и подъема левого движения в Европе?!

Вернемся к трагедии в Далласе, к истории гибели Джона Фицджеральда Кеннеди. Поскольку преступление это многоступенчато, нам следует вспомнить, что Чарлз Лучиано, «король наркотиков», агент ЦРУ и «босс боссов» американской мафии, несколько лет провел в Гаване, превращая столицу диктатора Батисты в перевалочный центр героина — Китай — Средиземноморье — США.

В Гавану, следовательно, были вложены громадные деньги: еще бы, центр игорных домов мира! Вспомним, как мафия влезает в банки, как она легализуется, проникая во все поры системы: следовательно, мафия тащила за собою интересы вполне благопристойных капиталистов и банкиров, не знавших просто-напросто, что их банк давно уже сориентирован на вложения в преступный «гаванский бизнес». Победа Кастро — удар по счетам! А на это реагируют однозначно — в атаку! Те, кто планировал высадку кубинских контрреволюционеров в бухте Кочинос, были так или иначе связаны с финансовыми группами, которые имели денежный, то есть реальный, интерес в возвращении Гаваны: Кастро закрыл все игорные дома, поступления в американские банки, следовательно, сократились не на миллионы, а на миллиарды! А за такое стоят насмерть: история империалистических войн иллюстрирует это положение со всей очевидностью. Но раньше мафия не влезала так глубоко в поры законного бизнеса. Теперь произошел парадокс — бандиты, мафиози, проникшие в банки, тащат за собою тех финансистов, которые платят огромные деньги армии журналистов, режиссеров, актеров, профессоров, разворачивающих пропаганду против наркотиков, ведь наркотики мешают отработанной системе эксплуатации рабочих, разлагают резервы; более того, расшатывают устои в армиях, призванных защищать классовые,

то есть экономические, интересы сильных мира того.

...Когда Лучиано ничего не смог сделать для того, чтобы «вернуть Гавану» — настал его черед: мафия, как мы уговорились, стала гигантской «сцеплленностью финансовых интересов». Страшная цепочка: секретные плантации наркотиков в Китае, курьеры, провозящие в чемоданах с двойным дном товар; бизнесмены, именуемые «распространителями»; законные миллионеры мафии, вкладывающие «героиновые деньги» в банки; президенты строительных фирм, строящие на эти деньги игорные дома в Лас Вегас, заводы по производству искусственного молока для младенцев (миллиарды долларов прибыли, женщина должна хранить фигуру, «кормление грудью — вандализм прошлого века»!); председатели наблюдательных советов кинобизнеса (порнофильмы); директора крупнейших транспортных компаний (мафия нуждается в своих людях на транспорте).

Итак далее.

(А сколько представителей системы являются членами наблюдательных советов всех этих концернов, банков, компаний?! «Свобода, понял, свобода» — так поется в одной озорной песне; не в бровь, а в глаз, нет?)

Когда провалилась высадка контрреволюционеров в бухте Кочинос, надо было думать о будущем. Кубинская революция доказала свою жизнестойкость: народ был готов сражаться за социализм с оружием в руках, «родина или смерть» не столько лозунг, сколько констатация факта.

Сейчас пока невозможно сказать, кто именно выдвинул идею убить президента. Того президента, который не смог вернуть Гавану ее прежним владельцам. Того президента, который первым за океаном повернул к реальности в оценке новой структуры мира. Это, именно это, дало ему популярность. И правые ультра и маоисты были заинтересованы в том, чтобы убрать Кеннеди. А ведь они ныне проросли вместе с мафией в систему.

Убив Кеннеди, можно было — по замыслу политических стратегов — повернуть американцев к веч-

ной ненависти против русских и кубинцев — «русский» Освальд руководил «кастровским» комитетом.

Стоило Роберту Кеннеди — накануне выборов — повторить, что он, в случае избрания на пост президента, потребует пересмотра дела Освальда — Руби, потребует санкций против мафии, как появился полубезумный Сирхан Сирхан, и прогрохотали выстрелы в ресторане отеля «Амбассадор».

...Утром того трагического дня я был в Лос-Анджелесе, в штаб-квартире «Боби», и говорил с Пьером Сэленджером, бывшим «шефом печати» Джона Кеннеди, который тогда руководил кампанией по выборам Роберта.

В огромном здании творилось нечто совершенно невообразимое: шум, крики, смех, бесконечные телефонные звонки; девочки раздавали пластинки с песнями, сочиненными в честь будущей победы «Боби»; молодой негр подарил мне целлулоидную шляпу с портретами Кеннеди: «Боби вил вин!» — «Боби победит!» — было выведено под портретами Кеннеди.

Сэленджер смотрел на это веселое безумие с усталой улыбкой: спать во время турне Роберта приходилось по три часа, да и то в кресле самолета, неловко согнувшись.

— Кеннеди вил вин? — спросил я. — Вы убеждены в этом?

— На шестьдесят процентов, — ответил Пьер.

— Почему не на восемьдесят?

— Такое в Америке невозможно. Шестьдесят процентов у нас, это как сто десять у вас — абсолютное перевыполнение плана...

В тот же вечер я вернулся в Нью-Йорк и был приглашен Кронкайтом, телеобозревателем Си-Би-Эс, на его программу: старый ас журналистики давал свой синхронный анализ в е р о я т и й президентских «праймериз». Он, наблюдая за телерепортажем с «праймериз» в Лос-Анджелесе (а соперник опережал Кеннеди на несколько пунктов), сказал:

— Ерунда. Боби победит. Он войдет в Белый дом, он о б р е ч е н на это.

Мы расстались с Кронкайтом в двенадцать: он обрушился в кресло, и девушка начала снимать с него грим. В американском телевидении все настоящее — телефон звонит по правде, а не трещит будильник за кулисой в руках у ассистента; работают ЭВМ, а не зажигаются цифры, подготовленные декораторами; вот только ведущий неправдиво загримирован.

— Американцы не любят старых, некрасивых мужчин, — объяснил Кронкайт. — Ведущий обязан быть эталонным, ничего не поделаешь.

Мы попрощались и разъехались: он — домой, я — в гости к Генриху Боровику.

В пять часов утра к нам позвонил Дмитрий Темкин, наш старый друг. (Помните песню «Гриин хилз»? Музыку к фильму «Сто мужчин и одна девушка»?)

— Только что убит Кеннеди.

Боровик бросился к машинке, я поехал на Си-Би-Эс.

Кронкайт уже был здесь. Его трясло. Он сел на свое место — незагриммированный, седой, с мешками под глазами.

— Когда же кончится этот ужас? — спросил он Америку. — Когда? Неужели мы никогда не научимся ценить и беречь Человека?

Я вышел на улицу в семь часов. Люди шли сосредоточенно, обменивались улыбками, останавливались возле витрин, толпились около табачных киосков — словно бы ничего не произошло этой ночью, словно бы не погиб тот, кому они так аплодировали пять часов назад.

Господи, подумал тогда я, неужели новые скорости сделали мир таким равнодушным? Или же система гонки за миражом удачи делает всех чертвыми друг к другу, взращивает эгоцентризм, какого еще не знало человечество? Или же здесь, среди грохота и гомона, категория случайного сделалась некоей закономерностью повседневности?

Жестокое было то утро в Нью-Йорке, жестокое, до самой горькой безнадежности жестокое.

Я вспомнил тогда ресторанчик ВТО на Пушкин-

ской, ноябрь, потоки дождя на стеклах, веселое наше застолье и тишину, мертвую тишину, которая настала, когда кто-то, войдя с улицы, сказал тихо:

— Товарищи, убили Кеннеди.

Разошлись все вскорости, никто не пил. Оплакивали не президента США, нет, оплакивали отца двух малышей, Жаклин, которая стала вдовой, оплакивали человеческое горе...

Я не унижу себя утверждением, что-де, мол, «русские добрее американцев»; нет, наша система добрее, ибо человечны ее моральные устои.

И никто меня не упрекнет в пропаганде исключительности, ибо сие — социальная правда...

...А в Мессине, где я должен был сдать «фиатик», все обошлось. Приемщик даже не заглянул в багажник. Я, однако, сказал ему:

— Обидно, что вы не даете инструмент.

Приемщик ответил по-итальянски:

— Но парле инглезе.

Нет так нет, еще лучше.

Сосед по купе объяснил мне:

— Живи сам и давай жить другим. Если все машины, сдающиеся в аренду, будут оснащены запасными баллонами и набором инструментов, то что же делать фирме «автосос»? Объявить себя банкротом? Или нанять мафиози, чтобы вынудить компанию по аренде предлагать машины с дефектом?

Сосед достал из чемоданчика маленький приемник, выдвинул антенну, нашел радио Палермо. Передавали музыку — нежную, густую, солнце и тепло, томление и ожидание было в ней.

— Каприччиозо по-сицилийски, — сказал сосед, — мелодия безмятежного утра. Вам нравится?

Назавтра я прилетел в Москву. И хотя багаж разгружали куда как дольше, чем в Риме, и отсутствовали тележки, и надо было на себе тащить чемодан, пишущую машинку, хурджин и ящик с кни-

гами, и таксист не подкатывал к тебе, а неторопливо и оценивающе спрашивал, не нужно ли мне ехать на вокзалы, я испытал блаженное, огромное, несколько расслабленное ощущение счастья.

Нужно ли объяснять — почему? Особенно после «путешествия по мафии»?

Думаю, объяснения не потребны.

Юлиан Семенович Семенов

КАПРИЧЧИОЗО ПО-СИЦИЛИЙСКИ

Редактор И. Стабникова
Художник И. Смирнов
Художественный редактор Э. Розен
Технический редактор И. Капитонова
Корректор М. Никитина

ИБ № 1673

Сдано в набор 8/VI-78 г. Подп. к печ. 29/XI-78 г. Формат бум. 84×100$^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 3,5. Уч. изд. л. 5,36. Усл. печ. л. 5,46. Изд. инд. ХД-215. А08236. Тираж 50.000 экз. Цена 20 коп. Бум. № 1 гипогр. Заказ № 1259.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

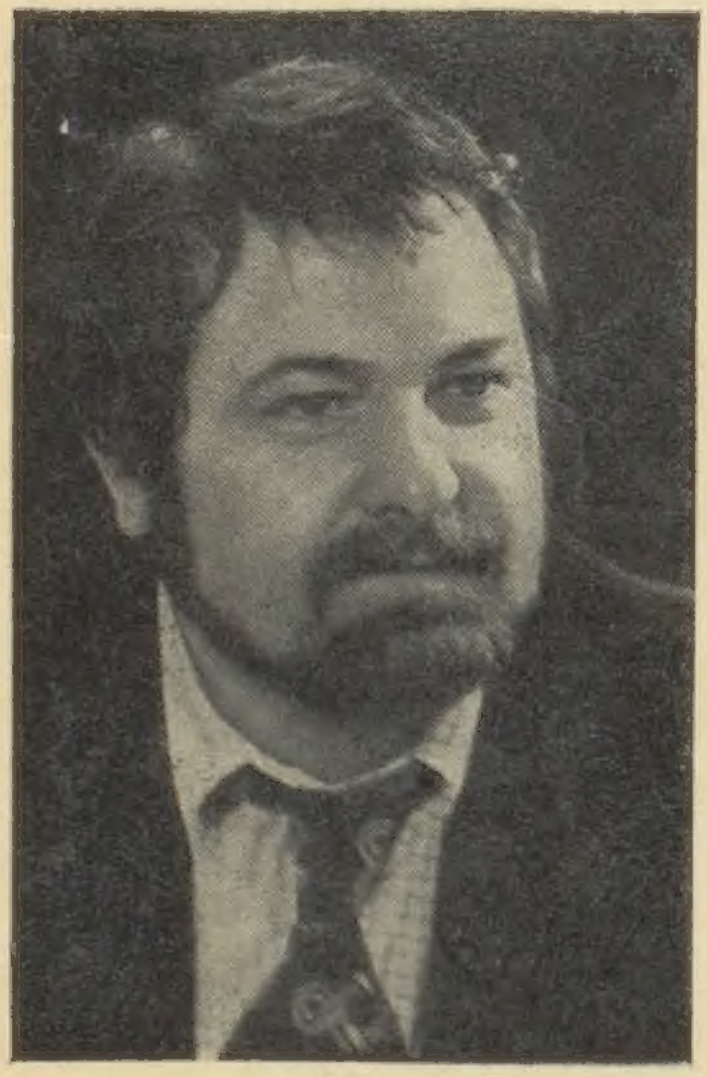
Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

20 коп.

ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОНУ ПО ТУ СТОРОН



Юлиан Семенов родился в 1931 году. По образованию востоковед; с 1955 года — специальный корреспондент «Огонька», писавший репортажи с Дальнего Востока, со станции «Северный полюс-8», из Сибири и с вершин Памира. Первая книга — «Дипломатический агент» — посвящена Востоку. С 1960 года — профессиональный писатель. В качестве специального корреспондента «Правды» был в сражающемся Вьетнаме, у партизан Лаоса, на президентских выборах в США, в Японии и Австралии.

С 1965 по 1977 год им создан цикл политических романов под общим заглавием «Альтернатива». Сейчас писатель работает над книгой о жизни выдающегося коммуниста-интернационалиста Ф. Э. Дзержинского.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ